

The background of the entire image is a romantic scene. In the foreground, the dark silhouettes of a man and a woman stand on a rocky shore, looking out at the ocean. The sky is a mix of blue and orange, suggesting a sunset or sunrise. Several birds are flying in the sky. The overall mood is serene and intimate.

Татьяна
Еришк
БС

Невероятная

Татьяна Герцик
Невероятная

«Дана Хадсон»

2020

Герцик Т.

Невероятная / Т. Герцик — «Дана Хадсон», 2020

ISBN 978-0-463485-84-2

Любовь, как известно, зла. Вот и спортсмен, отличник и просто красавец Клим Рогожин влюбился в девчонку, не подходящую ему по всем статьям. Да и сама Рита не испытывает к нему никаких добрых чувств, уж скорее наоборот. Но что ему делать, если без нее жизнь стала унылой и безрадостной?

ISBN 978-0-463485-84-2

© Герцик Т., 2020
© Дана Хадсон, 2020

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	26
Глава четвертая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Татьяна Герцик

Невероятная

Редакторы: Елена Неёлова, Ольга Костенко

Корректор: Татьяна Попова

© Татьяна Герцик

Эта книга предназначена исключительно для Вашего личного использования.

Она не может быть перепродана или отдана другим людям. Если Вы хотели бы поделиться этой книгой с другими, пожалуйста, купите дополнительную копию для каждого получателя. Если Вы читаете эту книгу и не покупали ее, или она не была куплена только для Вашего использования, то, пожалуйста, купите свою собственную копию.

Спасибо за уважение к нелегкой работе автора



Глава первая

Из подъезда элитной высотки вышел симпатичный высокий парень, небрежно закинул за плечо черную спортивную сумку. Не глядя по сторонам, размашистым шагом направился по выложенной красно-черной плиткой дорожке к выходу из огороженной высоким забором придомовой территории.

Через пару минут, будто подкараулив его, из соседнего подъезда вынырнула симпатичная девчонка в яркой курточке от Армани и крикнула:

– Клим, подожди! Я с тобой!

Чуть заметно поморщившись, парень притормозил, поджидая ее. Поравнявшись с ним, девчонка махнула рукой на висевший за плечами пестрый рюкзачок и радостно заявила:

– Как здорово, что мы случайно записались в «Олимпийский» на одно время. Удобно. Мне не хочется беспокоить папу, он устает после работы, а по вечерам ходить одной как-то беспокойно. Зато вместе с тобой не страшно.

Клим промолчал. Он сильно сомневался в этом «случайно». Девица постоянно попадалась ему на пути, откровенно строя глазки и зазывно улыбаясь. Ему-то говорливая и надоедливая Виолетта не слишком нравилась. Но в принципе, ничего против нее он не имел. Одно то, что ее дедушка был одним из совладельцев процветающей сети магазинов электроники, делало ее привлекательной в глазах любого рационально мыслящего молодого человека. А Клим считал себя очень даже рациональным. Правда, не до такой степени, чтоб делать авансы не слишком приятным ему людям, к которым относилась и эта навязчивая соседка.

Подстраиваясь под его широкие шаги, Виолетта смешно подпрыгивала, стараясь не отставать. Ей давно нравился Клим, еще с той поры, когда три года назад они с семьей въехали в новый дом. Она сразу заприметила высокого красивого парня с уверенным взглядом. Попыталась познакомиться, но он держался настороженно и на контакт не шел. Понадобилась пара лет неустанных «случайных» встреч, чтобы он стал относиться к ней не просто как к надоедливой мелкой соседке, а увидел в ней наконец симпатичную девушку, как ей, во всяком случае, казалось.

Виолетта в этом году закончила одиннадцатый класс гимназии с физико-математическим уклоном и поступила в классический университет на физмат, на последнем курсе которого учился Клим. Она могла бы поехать учиться в Англию или Штаты, но не захотела уезжать от своего кумира.

Впрочем, Клим тоже отказался от сомнительного, с его точки зрения, удовольствия жить за рубежом, считая, что на родине у него гораздо больше перспектив, чем невесть где. Здесь он может стать всем, кем пожелает, а вот кому он нужен в той же Англии, к примеру? Там таких, как он, вагон и маленькая тележка.

Он вообще был на редкость здравомыслящим человеком, бабушка даже называла его молодым старичком, на что он совершенно не обижался. Что взять с поколения, отравленного глупым романтизмом? Прагматизм правит миром, это он уяснил еще лет в десять, поняв, что проще иметь свои деньги, чем просить их у родителей.

С четырнадцати лет он от подачек решительно отказался и начал зарабатывать сам. Сначала в интернете, занимаясь созданием сайтов и рекламой товаров разного рода, потом переквалифицировался в программиста, начал сотрудничать с разными фирмами, в том числе и зарубежными, и получать стал вполне прилично.

Так что ультрамариновая Kia Оптима, стоявшая в боксе подземного гаража, была куплена им на честно заработанные, а не подарена щедрыми родителями, как считала Виолетта.

– А почему ты не на машине? – с некоторым разочарованием спросила она, поправляя рюкзачок. – Было бы быстрее.

Он кинул на нее пренебрежительный взгляд.

– Я и без того постоянно сижу. А я люблю ходить. Движение – это жизнь. Знаешь об этом? – с обидной снисходительностью сказал он.

Виолетте не понравился его тон. С ней все разговаривали или с преувеличенным пиететом, или со столь же фальшивым восторгом. К другому она не привыкла. Вздернула и без того курносый нос и приготовилась высказать ему свое «фи», но в последний момент передумала.

Шедший рядом с ней уверенный в себе парень вряд ли стерпел бы ее назидательный тон. Ответил бы что-нибудь типа «не нравится, шагай одна, я тебе не навязываюсь». И был бы прав – ведь в спутницы набивалась ему она.

Девушка кокетливо поправила беретик, надетый на искусно подстриженные рыжеватые волосы, жеманно взглянула на спутника из-под подкрашенных ресниц, проделав все точно так, как было рекомендовано в руководстве по изящному флирту «Если хочешь понравиться мужчине». После такого все ее знакомые мальчишки принимались пыжиться и становились похожими на кичливых петухов. Но Клим ее потуг даже не заметил. Причем не сделал вид, а действительно не заметил.

Это было обидно. Но Виолетта, мрачно усмехнувшись, пропела про себя песенку, часто напеваемую мамой: «Никуда не денешься, влюбишься и женишься, все равно ты будешь мой!» Эта задорная мелодия добавила ей оптимизма, и она попрыгала дальше уже с вполне бодрым настроением.

Она давно поняла, что покорение гордой вершины под названием «Клим» будет нелегким, но тем оно интереснее! А уж потом, добившись своего, она на нем отыграется за все годы своего унижения...

«Моя дорогая, помни: мужчины – это всего лишь большие дети, обожающие игрушки. Если женщина может им их дать, они никуда не денутся, уверяю тебя!» – не раз учила ее мать, дочь олигарха. А она знала, о чем говорит: муж был моложе ее на десять лет, но никуда от нее уходить не собирался. Зачем, если в семье у него было все, чего только может пожелать мужская душа: модная одежда, роскошные машины, огромная квартира, путешествия по миру, вместе с женой, разумеется.

Кира Серафимовна была в нем абсолютно уверена хотя бы потому, что всегда и везде держала его под контролем. Она вообще любила быть в курсе всего на свете, и уж о собственном муженьке знала все досконально. Когда почти двадцать лет назад она женила на себе видного девятнадцатилетнего парня, сманив его обещанием красивой жизни, она была еще довольно молода и очень амбициозна.

Теперь, чтобы соответствовать своему красавцу-мужу, ей все чаще и чаще приходилось проводить время в СПА-салонах, о чем она совершенно не жалела. Все страдания по наведению красоты и молодости искупались завистливыми взглядами непристроенных, да и замужних дамочек, когда она выгуливала Игоря на светских тусовках – такого великолепного мужа, как у нее, ни у кого больше не было.

– Кира, поделись секретом, как ты удерживаешь подле себя такого красавца? – завистливо стонали знакомые бабенки, беззастенчиво любуясь ее мужем. – Синеглазый блондин, высокий, широкоплечий, подтянутый! Киногерой, а не реальный мужчина!

На эти услаждающие ее слух реплики она всегда отвечала одно:

– Кормить надо лучше, тогда и не улетит.

И она кормила. Денег, получаемых ею от богатого папочки, было вполне достаточно для безбедной жизни. Муж, работающий в непыльной должности на одном из предприятий тестя, никогда не озадачивался собственной зарплатой, ведь тратить заработанное ему приходилось только на мелочи типа цветов жене и дочери. В дом Кира Серафимовна выбирала вещи исключительно сама, обставляя все вокруг по своему вкусу. Мужнины честные копейки ей не требовались.

Благодаря матери Виолетта привыкла смотреть на взаимоотношения мужчины и женщины с трезвым скептицизмом, без свойственного ее возрасту розового флера, и была уверена, что отца все устраивает, раз он не возражает против когда чуткого, а когда и не очень, руководства жены. Более того, когда кто-то из знакомых позволял себе намекать, что он жалкий подживотник, Игорь насмешливо отбрылся: «завидуй молча», ничем не показывая, что чем-то недоволен.

Обгоняя Клима с Виолеттой, пронеслась прихрамывающая на правую ногу девушка в серой куртке, держащая на поводке огромного черного пса. Правда, кто кого вел, было не разобрать, пес упорно мчался вперед, увлекая за собой худосочную хозяйку. Она бежала, смешно при этом подскакивая. Девушка была бы даже симпатичной, если б не слишком напряженное выражение лица, которое Клим называл «проквашенным».

Обернувшись, девчонка нехотя кивнула им в знак приветствия и, не дожидаясь ответа, помчалась дальше.

– Вот нелепая хромоножка! – с презрительным высокомерием выплюнула Виолетта. – Вести себя совершенно не умеет! Посмотрела так, будто кирпичом в нас швырнула. Кто виноват, что они со своей мамашей нищие? Не могли им дать квартиру где-то в другом месте, поскромнее?

– Дать? – Клим удивился. – А кто им ее дал? Разве в нашем доме кому-то бесплатно раздавали квартиры?

– Ты что, не знаешь эту историю? – Виолетта обрадовалась возможности посплетничать. – Квартиру им дал наш Химпром. У них же пару лет назад авария была, и погиб инженер, вроде спасал кого-то. Спас, но сам выйти не успел, чего-то у них там рвануло. Так вот, чтоб не было скандала, Химпром и купил для его семьи квартирку в нашем доме. Ну и деньги какие-то выдал. Теперь они у нас и живут. – И презрительно припечатала: – Шантрапа, одним словом.

– Хороший мужик был, наверное, – Клим ее рассказ истолковал по-своему. – Герой, раз не о себе думал, а людей спасал.

Она небрежно передернула плечами: подобной чепухой она заморачиваться не собиралась.

– Лучше бы им чего попроще дали. А то мамочка в платочке смешнушем ходит, дочка в китайских куртках щеголяет. Стыдоба.

– Да пусть в чем хотят, в том и ходят. Тебе-то что? – хмуро покосился на спутницу Клима. Ему не нравилась ее фанаберия.

И снова Виолетте пришлось наступить на горло собственной гордости. Напомнив себе, что она в процессе дрессировки и нужно уступать, чтоб рыбка преждевременно не сорвалась с крючка, а поглубже его заглотила, она мило улыбнулась:

– Да мне-то фиолетово. Но как другие соседи на нее реагируют?

– Уверен, всем пофиг, – с грубоватой прямоотой высказался Клима. – Кому какое дело, кто там живет за стенкой и как одевается? Я лично вообще никого из соседей не знаю, если не считать тебя, но ты особый случай.

Виолетта слегка покраснела, поскольку эти слова прозвучали с изрядной долей сарказма. Повернувшись в профиль, который находила почти что классическим, если не считать курносого носа, попыталась реабилитироваться:

– Да я тоже почти никого из соседей не знаю. Просто мама любопытная очень, она про них и рассказывает.

– Да, Кира Серафимовна – это нечто, – насмешливо согласился с ней Клима. – Не доведись иметь такую тещу, со свету сживет на айн-цвай-драй.

– Мама у меня очень хорошая! – обиделась Виолетта.

– Это ты точно заметила – мама из нее хорошая. А вот в других социальных ролях она, прямо скажем, не преуспела, – Клим не собирался рассыпаться в комплиментах перед теми, кого не уважал.

Девушка недовольно прищурилась, но больше ничем своего неодобрения не выказала. Наоборот, как ни в чем ни бывало весело защебетала об универе, общих преподавателях, восхитилась получаемыми Климом замечательными оценками и попросила помочь ей освоиться на факультете.

– И как ты себе это представляешь? – скептически уточнил он. – Я в одном корпусе занимаюсь, ты в другом.

– В общих чертах, – тут же нашлась она. – Какие-то подводные камни ведь есть, о которых знают только студенты старших курсов, не раз об них позапинавшиеся?

– Подводный камень на нашем факультете один: девчонкам у нас не место, – Клим насмешливо покосился на нее, – у нас предметы не для женских мозгов. Поначалу, на первых курсах, девчонки преуспевают, а потом оказывается, что ничего не понимают. Отсев огромный. Из нашей группы до шестого курса из поступивших добрела ровно половина. Угадай, кто отсеялся? – Виолетта угрюмо молчала, и он насмешливо уточнил: – Одни девчонки. Парни остались. А среди ушедших медалисток было – не счесть. Сейчас девчонок только две на двенадцать парней. Почувствовала разницу? – И с ехидцей посоветовал: – Ты бы уж лучше на исторический шла или по крайней мере на химический. У нас таким, как ты, сложно.

Виолетта, заработавшая в школе серебряную медаль с помощью многочисленных репетиторов, озадаченно нахмурилась. Но тут же решила не заморачиваться тем, что, возможно, никогда и не произойдет, оптимистично заверяя себя: в принципе, ничего страшного. Если поймет, что не тянет, переведется куда попроще, только и всего. Ну, или снова репетиторов наймет, это не проблема.

Клим с досадой глянул на приставучую девушку. Он был в курсе, естественно, что гендерные роли изменились и нынешние девушки сами охмуряют понравившихся парней, только шум стоит, или вообще покупают, если деньги позволяют. Но хотелось почувствовать себя не загнанным оленем, а охотником. Но разве ж Виолетта и ей подобная компания ему это позволяют?!

Сколько он себя помнил, с ним всегда напропалую кокетничали девчонки. Началось это еще в первом классе их физико-математической гимназии, когда нарядные, в белых фартучках и огромных бантах самоуверенные красотки заявили, что он самый классный парень из всех. Это гордое звание закрепилось и держалось за ним все одиннадцать лет учебы, хотя оно ему вовсе не льстило.

Вообще, если б его можно было соблазнить кокетливым подергиванием плечика или взмахом накрашенных ресниц, он давным-давно был бы женат, и не единожды. Ведь всегда найдется кто-то лучше предыдущей обольстительницы. А пределу совершенства, как всем известно, и вовсе нет.

Клим ускорил шаг, не желая опаздывать в спорткомплекс, и шедшая рядом девушка вынуждена была практически бежать, чтоб за ним успеть. Неужели она не понимает, что вовсе ему не интересна? Если ли б не она, он сейчас припустил бы так, что только пятки сверкали. Он вообще любил движение, быстрые игры типа баскетбола, но до него малость не дотягивал – метр девяносто для баскетболиста не рост.

Заметив, что Виолетта от быстрой ходьбы начала задыхаться, пожалел ее и пошел медленнее, раздумывая, как бы скинуть ее со своего хвоста раз и навсегда. То, что она каким-то макаром отслеживает его передвижения, ясно как дважды два, но вот как она это делает? Не сидит же день-деньской у окна, выглядывая его? Хотел было спросить у нее, но она наверняка сделает круглые невинные глазенки и примется отпираться. И тогда глупо будет выглядеть он,

обвиняя ее невесть в чем. Что ж, придется выяснять самому. Кой-какие мыслишки у него на этот счет имеются, нужно просто проверить.

Они подошли к серому зданию спорткомплекса. Вместе зашли, проведя по входному турникету картами допуска, дружно кивнули охраннику в вестибюле и разошлись по разным раздевалкам. Клим быстро переоделся в синий спортивный костюм и вышел в общий зал, а Виолетта уединилась с личным тренером в одном из малых залов.

Два часа пролетели незаметно. Клим прошел весь круг тренажеров, взмокнув так основательно, что костюм на нем впору было выжимать. Закончив, погрелся в сауне, попивая зеленый несладкий чай, выгоняя из натруженных мышц молочную кислоту. Несколько перегревшись, поплавал в бассейне, охлаждаясь.

Хотелось посидеть еще, расслабиться и отдохнуть, наслаждаясь благородной физической усталостью, тем более что обстановка располагала, но нужно было готовиться к завтрашнему семинару по физике наноструктур.

Переоделся, небрежно засунул в сумку мокрую от пота форму, наказав себе не забыть сразу по приходу домой отправить ее в стиральную машину, и призадумался. Бродить вдвоем по вечерним улицам с Виолеттой ему не хотелось, уж слишком это походило на свидание. Никаких пустых надежд он этой назойливой особе давать не хотел, поэтому для сохранения собственного спокойствия сделал неожиданный для нее финт.

Подошел к тренеру общего зала, мускулисту Федору, и попросил сообщить поджидающей его Виолетте, что ушел, не дождавись ее, и вызвать для нее такси. Парень усмехнулся, понимающе кивнул и отправился выполнять задание. Вернувшись через десять минут, отпартовал, что плацдарм свободен и весьма обозленная его сообщением девица укатила.

Поблагодарив, Клим попросил все-таки на всякий случай выпустить его через служебный вход. Откровенно рассмеявшись, тренер со словами: «Что, так достала?» – выполнил просьбу клиента, увидев, как тот выразительно провел по горлу ребром ладони.

Быстро шагая по вечернему городу, Клим любовался яркими огнями рекламы. Хотя было всего одиннадцатый час, детское время, но на улицах уже почти никого не осталось. Это ему нравилось, и он чуть слышно засвистел свою любимую мелодию. Чтоб подольше подышать свежим воздухом, выбрал обходной путь мимо небольшого леса.

В это время здесь толклись собачники со своим разнокалиберными псами, но Клим никогда не боялся собак, наоборот, они ему нравились. Он бы с удовольствием завел собаку, большую и умную, но это было нереально. В детстве, когда мама еще не моталась по заграницам, было нельзя – у нее аллергия на шерсть животных, а теперь, когда она бывает дома пару недель в год, кто бы стал ухаживать за собакой при его-то постоянном отсутствии?

Вспомнив про мать, Клим хмыкнул. Последние десять лет она работала за границей. Отцу это не нравилось, но он молчал. Когда жена – всемирно известный театральный художник, то приходится терпеть, если не хочешь разводиться. Тем более, что ее известность наполовину твоя или вина, или заслуга, смотря как считать.

Просто во времена Климова детства мама была мало кому известным художником, и отец постоянно посмеивался над ней, относясь к ее работе как к никому не нужному, грязному и вонючему хобби. И по его примеру точно так же вели себя и все остальные родственники, снисходительно фыркая и даже не считая нужным слушать, когда Оксана пыталась им доказать, что она вовсе не белоручка.

Когда ее пригласили оформлять «Снегурочку» Римского-Корсакова в Венскую государственную оперу, пусть и в соавторстве с известным театральным сценографом, для отца это был, пожалуй, больший шок, чем для мамы, привыкшей считать себя жалкой посредственностью, чему немало поспособствовал самоуверенный муж.

Используя выданный ей судьбой шанс, мама решила доказать всем, и в первую очередь муженьку, что она настоящий талант, а не маляр-грязнуля, как зачастую он ее называл.

И она своего добила. Теперь никто бы не сказал, что Оксана Борисовна Рогожина – жалкая бездарность. Более того – своему нынешнему благосостоянию семья была обязана не отцу, работающему главным электриком небольшого заводика, а известности матери.

Но ее работа требовала постоянных разъездов по белу свету, вот и сейчас она оформляла «Евгения Онегина» в театре оперы и балета Сиднея, и увидеть ее они с отцом рассчитывали лишь после нового года, да и то если повезет. А если учесть, что график у нее был расписан на несколько лет вперед, то недовольство Антона Ивановича, вынужденного встречаться с собственной женой в отелях чужих стран, росло год от года.

Оксана Борисовна несколько раз предлагала мужу оставить работу и ездить вместе с ней, но от этого категорически отказывался он. Ведь в качестве кого он будет с ней ездить? Жалкого нахлебника? На ее уверения, что в творческом мире совместные разъезды супругов вовсе не редкость, отвечал одним:

– Я – это я, а не кто-то там. Я просто не смогу себя уважать, если буду жить за твой счет.

Впрочем, он довольно часто навещал жену либо во время отпуска, который у него, как у руководителя, был довольно большим, либо во время длинных праздников. Возвращался он обычно несколько утомленным и сообщал сыновьям, что напрасно считал работу матери легкой, уж лучше мешки с картошкой таскать, чем так напряженно, практически без отдыха, работать.

После первого же вояжа к жене, в ту пору оформляющей спектакль в театре одного из американских городов, то ли в Сиэтле, то ли в Бостоне, этого Клим уже не помнил, отец серьезно занялся своим внешним видом, начал ходить в спортзал, заниматься по утрам зарядкой, скинул пару десятков кило, накачал пресс вместо мягонького круглого пузика и стал выглядеть гораздо мужественнее и привлекательнее.

На вопрос старшего сына, с чего это он вдруг озаботился тем, что его никогда прежде не волновало, честно ответил:

– Не хочу выглядеть толстопузой размазней рядом с теми, кто крутится рядом с Ксюшей. Они все подтянутые, ухоженные, в общем, настоящие мачо, вот и я должен выглядеть не хуже.

– Боишься, что мамочку уведут? – продолжил свои ироничные расспросы бестактный Арсений.

– Боюсь, конечно, – с неожиданной откровенностью признался Антон Иванович, – иначе с чего бы я стал столько времени тратить на себя? Но меня утешает, что Ксюша на других мужиков и не смотрит, она вся в работе, в этих своих костюмах и декорациях. Так что пока живу спокойно.

Бесцеремонный Арсений хотел спросить что-то еще, но Клим твердо перевел разговор на другое, не давая беспардонному братцу раскрыть рот. Когда отец ушел, сердито попенял:

– Знаешь, Сеня, – так он называл брата только тогда, когда был им недоволен, – тот подобное имечко не терпел, – отец и без того нервничает, только виду не показывает, а ты еще ему соль на раны сыплешь.

– А это ему в отместку за маму, – с неожиданной жесткостью осадил его брательник, – ты не помнишь, как она старалась заработать хоть что-то, а заказов не было? Отец ведь ее постоянно носом тыкал, что она нахлебница и что он ее содержит. Если ты этого не помнишь, мал был, то я прекрасно помню, как горько плакала мама после его попреков.

Клим смутился.

– Помню, как он над ней подшучивал. Но чтоб она плакала, такого не помню.

Арсений нехорошо прищурился и укорил:

– Вот-вот, поэтому ты с таким пиететом к папашке и относишься. А у меня к нему свои счеты. И за себя, и за маму.

На этом разговор был закончен. Клим с той поры стал осторожнее в своих высказываниях, а вот Арсений при любом удобном случае старался поклевать отца и делал это с откровенным удовольствием.

...Из темного леса прямо перед Климом с шумом вылетела какая-то большая птица. От неожиданности он вздрогнул и отвлекся от размышлений. Высокие сосны вперемешку с редкими липами и осинами под резкими порывами сентябрьского ветра шумели то угрожающе, то нежно. Тишина то и дело прерывалась визгливым собачьим лаем – явно какая-то болонка возомнила себя большой злой собакой.

Клим широко шагал по узкой, наполовину выщербленной асфальтовой дорожке, с удовольствием дыша чуть пряным от опадающей листвы воздухом, когда перед ним из леса вышли двое – парень и девчонка. В темноте трудно было разглядеть, кто это, но он сразу узнал соседку по хромающей походке и огромной собаке. С ней шел парень, довольно высокий, ведя на поводке овчарку.

Раздался мягкий мелодичный смех, и Клим с внезапным раздражением подумал, что смех у нее красивый, в отличие от внешности. А голос какой, интересно?

Парень с девчонкой о чем-то непринужденно болтали, то и дело весело смеясь, а у Клима отчего-то резко испортилось настроение. Осознав это, он нахмурился. С каких это пор его вдруг стали волновать чужие разговоры?

На повороте парень распрощался и ушел, растворившись в темноте, а девчонка спокойно пошла дальше по асфальтовой дорожке, что-то негромко напевая.

«И ведь не боится ничего! – с невольным уважением всплыло в голове Клима. – Хотя чего ей бояться с таким телохранителем!» – он окинул взглядом огромного пса, с достоинством шагающего подле хозяйки. Ни намордника, ни поводка на нем не было.

Внезапно пес оглянулся и в упор предостерегающе посмотрел на шедшего почти вплотную за ними парня. Следом оглянулась и девчонка. Узнала она соседа сразу и помрачнела. Кивнув, отошла в сторону, пропуская его вперед, уверенная, что сейчас он обгонит ее и уйдет.

Но Клим обманул ее ожидания, встав рядом и небрежно потрепав огромную собаку по кудлатой голове. Пес снисходительно вытерпел столь наглое покушение на свою независимость, лишь недовольно сощурил глаза.

– Э-э-э, поосторожнее! Рэд не любит панибратства! – сердито предупредила его девчонка.

– Извини, дружище! – с ироничным поклоном извинился перед псом Клим. – Просто ты мне очень понравился, люблю больших важных собак, и терпеть не могу маленьких, нахальных и визгливых.

Подтверждая его слова, недалеко залилась неприятным пронзительным лаем какая-то мелкая шавка. Пожав плечами, девица развернулась и раскачивающейся смешной походкой пошла вперед. Клим не отставал, с легким недоумением размышляя, с чего это вдруг ему захотелось с ней поболтать. Оттого, что ему очень понравился этот полный собственного достоинства мрачный пес?

– Клим Рогожин, – он решил, что, раз уж они идут вместе, то надо же как-то друг к другу обращаться. – А тебя как звать?

Несколько неприятных мгновений царило молчание, он уж подумал, что она ему не ответит, но девчонка все же сказала:

– Маргарита я, Беликова, – и, нахмурившись, отвернулась.

– О, Рита! – Клим широко улыбнулся. – Мое любимое имя!

– С чего оно любимое? – девица явно не желала говорить с ним по-дружески. – Потому что популярное?

– Знаменитое, – поправил он ее. – Королева Марго у Дюма, Маргарита в «Фаусте» Гете, «Мастер и Маргарита» Булгакова, ну и прочие.

– Ко мне они никакого отношения не имеют, – колюче обрезала она его.

– Кроме имени, – он и сам не понимал, для чего ее подначивает, ведь сразу видно, что общаться с ним она не желает. И с чего бы это? Ничего плохого он ей не делал.

– Это да, – вынужденно согласилась она.

Он подстраивался под ее неровную походку, с сочувствием глядя на ее кривую ногу. Сочтя этот взгляд насмешливым, она холодно пояснила:

– Перелом. Сложный. В нескольких местах. В детстве соседские мальчишки столкнули с горки. Мне было десять. Зажило сикось-накось.

– А вылечить ты не пыталась? – он не понял, почему неправильно сросшийся перелом нельзя было поправить.

– Ломали несколько раз, – равнодушно пояснила она, отвернувшись, чтоб он не увидел на ее лице болезненной гримасы. – Но с каждым разом становилось только хуже. Больше не хочу. Меня все устраивает.

Клима пробрал зябкий морозец, едва он представил, через что пришлось пройти совсем еще ребенку. Он внимательнее посмотрел на желтоватое в свете фонаря лицо девушки. Светлые глаза, то ли голубые, то ли серые, по-детски пухлые губы, прямой носик. В общем, ничего особенного, но что-то все-таки цепляет. Может, холодок, который она ему так наглядно демонстрировала?

– Я тебе не нравлюсь, – неизвестно для чего констатировал он, хотя никогда не любил выяснение отношений. Но тут его будто кто-то науськивал на провокации. – Почему?

Как он и ожидал, она не стала юлить, ответив с обескураживающей прямоотой:

– Терпеть не могу богатеньких детишек, мажоров беспардонных. Капризные, уверенные, что им все позволено, наглые. Правила для них не писаны.

Клим припомнил развязное поведение Виолетты и был вынужден в чем-то с ней согласиться.

– Это ты про меня в том числе? – уточнил он, надеясь, что сейчас она начнет оправдываться. Слышать неприятные откровения из ее уст ему отчего-то не хотелось.

– Разве нет? – Рита цыкнула на заволновавшегося от ее резких слов пса: – Тихо, Рэд! Все в порядке.

– Конечно, нет. С чего ты вообще взяла, что я капризный мажор? – в таком ракурсе Клим о себе никогда не думал.

Его круг общения предполагал такие же взгляды на жизнь, как и у него, и никто из его знакомых не давал ему столь нелестную характеристику.

Она презрительно хмыкнула:

– В этом чудном домишке нормальные люди не живут. Все смотрят на нас с мамой как на грязь под ногами. Хотя сами кто? Торгаши недорезанные.

От столь странных выводов Клим не знал, смеяться ему или возмущаться. Решил прибегнуть к логике:

– Ритуля, дорогая, – от этого панибратского обращения она скрипнула зубами, но прервать себя он ей не дал, – ты сильно преувеличиваешь свою значимость в этом мире. Уверяю тебя, большинство жильцов нашего замечательного домика до сих пор не знают, как зовут их соседей по лестничной площадке, да и кто вообще там живет. Неужто ты всерьез думаешь, что им есть до тебя дело? Да если они на тебя и смотрят, то не факт, что видят. У людей, да еще деловых, нет времени на сантименты и разные глупости типа недолюбивания ими разного рода незнакомцев.

Рита покраснела и вскинула голову.

– Ты считаешь меня круглой душой? – яростно прошипела она.

– Ну что ты, как я могу? Для этого я тебя слишком мало знаю, – уязвленный ее словами Клим ответил таким тоном, будто она его бесстыдно соблазняла, а он, смущенный таким напором, сомневался, отвечать ей взаимностью или нет.

Рита внезапно успокоилась.

– Вот-вот, и я об этом. Ты тоже меня за человека не считаешь, хотя сам еще хуже! – свирепо выдала она. Не прощаясь, открыла дверь своего подъезда и ушла.

Клим озадаченно огляделся. Он стоял у собственного дома! Правда, у соседнего подъезда, но тем не менее! Он даже не заметил, как они дошли. А ведь пройти нужно было через калитку в ограде и весь их немаленький двор, причем мимо скамеек с освещающими их декоративными фонарями. Он даже вскинул руку, чтоб озадаченно почесать в затылке, но рассмеялся и опустил ее.

Вот это да! Он так увлекся глупой перепалкой, что совершенно не смотрел по сторонам! В странном состоянии духа, игнорируя лифт, взбежал по лестнице на двадцатый этаж, вошел в квартиру, сказал сидящему за компом в кабинете отцу: «я дома». Пошел в ванную, бросил в стиральную машину мокрый спортивный костюм и еще разную мелочь. На кухне вынул из холодильника какую-то еду и проглотил, причем даже не заметил, что именно съел, поскольку размышлял о том странном чувстве, что вызвала в нем эта забавная хромоножка.

В своей комнате включил ноутбук, решительно выкинул из головы всякую постороннюю ерунду и стал заниматься. Повторив все, что нужно для завтрашнего семинара по нанотехнологиям, принял душ и улегся в постель. Еще раз чертыхнулся и крепко заснул.

...Он держал Риту за руку, ласково поглаживая и уговаривая потерпеть еще немного. От каждого ее стоны у него по спине катился ознобистый морозец, превращаясь в капли холодного пота, и что-то болезненно сжималось внутри, но он твердо знал – так будет лучше, главным образом для нее.

И снова раздался отвратительный хруст – это ей ломали неправильно сросшиеся кости...

Клим резко сел в кровати. Сердце оглушительно стучало где-то в ушах, по спине и впрямь текли струйки холодного пота, промочив майку насквозь. Что это с ним? Заболел? Стянул мокрую майку, раздраженно швырнул в угол, посмотрел на часы. Почти шесть. Рановато, но, в принципе, можно вставать.

Пошел в ванную, как следует прогрелся под струями горячего душа, так, на всякий случай. Вытащил из машины выстиранные и высушенные вещи, убрал в шкаф. Медленными глотками попивая крепкий черный кофе, прокручивал в голове накрепко засевший там сон и содрогался: в ушах до сих пор звучали жалобные стоны измученной девчонки.

Потряс головой, отгоняя дурное сновидение. Что за чушь? Неужто история Маргариты достала его до самых печенок? Но он никогда не принимал близко к сердцу проблемы других людей. Если была возможность – помогал, чем мог, но чтоб вот так переживать, такого не бывало.

Припомнил, что она сказала – ничего делать не собирается, ей и так хорошо. Так с чего ему снится подобная нелепица? Это уже дурь какая-то. Решительно выкинув из головы странные мысли, вышел из квартиры и спустился в подземный гараж.

Выгнал KIA Оптима, быстро выехал со двора, боясь появления вездесущей Виолетты: видеть ее курносый нос и слушать глупости не хотелось стопроцентно. Не доезжая до универа, оставил авто на платной стоянке и квартал шел твердым размеренным шагом, вдыхая бодрящий утренний воздух.

Возле своего факультета увидел высматривающую его у входа Виолетту, но, сделав вид, что не заметил, быстро проскочил внутрь, прикрываясь входившими перед ним парнями. Дойдя до аудитории, плюхнулся на свое привычное место возле окна.

Пожал руку уже сидевшему за кафедрой Юрию, старинному другу с детских лет, и широко зевнул, едва успев прикрыться ладонью.

– Что, всю ночь не спал? – с намеком спросил Юрка, прекрасно знающий, отчего молодой здоровый парень может бодрствовать всю ночь напролет.

– Не выспался, и вовсе не потому, о чем ты думаешь, – раздраженно выдохнул Клим.

– Почему не выспался? – Юрка шлепнул об стол толстую тетрадь и принялся искать ручку, приговаривая: – Что за анахронизм – писать, нет, чтоб записывать.

– Чего-чего? – заинтересовался Клим. – Ты сам-то понял, что ляпнул?

– Чего тут не понять? – косо посмотрел на него Юрка, тоже недоспавший, но вовсе даже не из-за дурных снов. – Не хочу писать руками, хочу записывать на диктофон. Но ты так и не ответил, с чего это вдруг не выспался. Лег поздно или кошмары снились?

– Можно сказать, что и кошмары, – Клим недовольно передернул плечами, давая понять, что не желает говорить на эту тему.

Но Юрка, не смущаясь, упорно лез в душу:

– Тебе случайно не та милашка приснилась, что пожирает тебя глазами? И двусмысленно припечатал: – Может, во сне она тебя уже зубками за разные места покусывала, а не глазками ела?

Клим сразу подумал о Виолетте и поморщился.

– Это ты о ком конкретно? Тут таких желающих много.

– Я о той, с истфака, что ты танцевать приглашал на новогодней танцульке, а потом жутко об этом жалел.

Клим напрягся. Он многих девчонок приглашал на новогоднем балу, просто чтоб не стоять у стенки, слушая глуповатые комментарии первокурсников-молокососов. Какую из них имеет в виду смешливый дружок?

– Да ладно, не грузись, – смилостивился Юрка, – я уже понял: тебе снился наш замечательный декан. Небось уговаривал остаться на кафедре сопромата? Златые горы сулил с молочными реками?

У сопроматчиков постоянно не хватало преподавателей, но такой участи Клим не желал: вдалбливание в головы тупых студентов ненужных тем знаний никогда не было его жизненным приоритетом.

– Не угадал. С деканом мы разобрались еще в прошлом году. Он затих.

Неуемный Юрий хотел выудить побольше подробностей из ночной жизни друга, но прозвенел звонок, в аудиторию, слишком большую для присутствующих в ней четырнадцати человек, заскочил преподаватель и с ходу начал лекцию.

Следующие две пары шел семинар, потом прошло еще две пары, затем они всей группой обсуждали уход проректора на давно заслуженную пенсию, и в результате домой Клим попал лишь в восьмом часу вечера. Ровно в девять ему отчего-то отчаянно захотелось пройтись по свежему воздуху, причем именно возле того лесочка, где Рита выгуливала своего великолепного пса, но он это неестественное для себя желание героическим усилием преодолел.

Пусть ему и жалко девчонку, это совершенно ничего не значит. Ни к чему приучать ее к унижительному сочувствию, да она этого ему и не позволит. И самому нечего культивировать в себе такое бесполезное чувство. Жизнь – штука суровая, размягчаться нельзя. Немоощных вокруг полно, на всех его все равно не хватит.

Глава вторая

Рита напрасно старалась примоститься поудобнее в своей узкой кровати. Правая нога, хотя и устроенная на специальном валике, беспрестанно ныла, не давая уснуть. То ли к непогоде, то ли она ее слишком перенапрягла сегодня. Сама виновата: ни к чему было изображать горную козочку, которой все нипочем. Допрыгалась, одним словом. И ведь прекрасно знала, что нечего бегать по кустам с Сашкой, стараясь не отставать и не хромать, соответствуя ему изо всех сил.

И Александр тоже хорош! Будто не знает, что ей так напрягаться нельзя. Нарочно он это, что ли? Или просто забыл о ее увечье? Они так давно дружат, что, пожалуй, так оно и есть. Он не воспринимает ее как инвалида, она для него обычный человек, старый проверенный друг.

Рита досадливо вздохнула. Друг – это хорошо, но ей так хочется, чтоб Сашка видел в ней не закадычного друга, а красивую девушку! Но как это сделать? Ну не умеет она нравиться парням. Да и какая из нее красотка? Хотя, когда накрашится, то вроде ничего. Но ужасная хромота все портила. Она даже на вечеринки к друзьям никогда не ходила, потому что там надо танцевать.

Припомнив день рождения у Иринки, своей школьной подружки, она застонала и рывком повернулась на другой бок, стараясь изгнать болезненные воспоминания. Какое брезгливое было лицо у пригласившего ее незнакомого парня, когда она честно сказала, что не может танцевать из-за хромоты! Такое не забывается!

Лучше ни с кем не знакомиться, чтоб не было потом так больно и неприятно. Вот для чего она сегодня заговорила с этим бесцеремонным пижоном? Ей что, мало оскорблений в этом на редкость неприятном доме?

Надо отдать должное этому суперменистому Климу: на ее весьма болезненные подколки он реагировал спокойно и с юмором. Но одно то, что она частенько видела его с той разряженной в пух и прах зазнайкой, уже делало его в ее глазах персоной нон грата. Правда, обожание вкупе с досадой, с которыми девица смотрела на не замечающего ее потуг парня, было на редкость приятным.

В принципе, Рита была вовсе не злым человеком, но несчастья, свалившиеся на них с мамой, сделали ее очень и очень разборчивой, заставляя на всех людей смотреть с подозрением и не спешить доверять.

Она хорошо помнила то счастливое время, когда был жив отец. Сколько шуток и смеха звучало тогда в их маленькой, но такой уютной квартирке! И все закончилось враз, когда отец не пришел вовремя с работы, а мама принялась названивать ему на сотовый, сердцем чуя беду.

Папа не отвечал, и мама позвонила начальнику цеха. Ответила его секретарша и недовольным, взвинченным голосом сообщила:

– Вы что, разве не в курсе, что в подсобке был взрыв и Евгений Беликов погиб?

Мама упала в обморок. Но подтверждая поговорку, что беда не приходит одна, от потрясения она потеряла долгожданного ребенка.

Рита снова сердито вытерла набежавшие слезы. Не будет она больше плакать, не будет – и все! Но вспомнила, как они радовались малышу, как выбирали ему имя, ведь уже точно знали, что родится мальчик – и снова зарыдала в голос.

Ну что было той мерзкой злой тетке сказать это как-то помягче! Или вообще позвонить ей, дочери, ничего не говоря маме. Тогда малыш точно был бы жив, потому что она сделала бы для этого все, что нужно, – дала бы маме успокоительное, вызвала бы скорую, но не допустила бы еще одного несчастья!

Потом эта секретарша, оказавшаяся слишком близкой подругой начальника цеха, оправдывалась, говоря, что у нее был шок. Поначалу-то она вовсе заявила, что ничего подобного не

сообщала, но, как оказалось, все разговоры со служебных телефонов и начальника цеха, и ее самой записывались службой охраны, и, прослушав запись, директор приказал ее уволить.

Через некоторое время после проверки и разборки следом за ней уволили и начальника цеха за обнаруженные многочисленные нарушения, но папу было уже не вернуть.

Но несчастья на этом не закончились: после похорон на их квартиру быстро нашлись претенденты: старший брат отца, которому надоело ютиться в малюсенькой двушке с семьей и старенькой матерью, вдруг захотел поселить мать в квартиру погибшего брата, аргументируя это тем, что теперь ей там принадлежит шестая часть.

Алевтина Павловна, и без того убитая горем, не знала, что делать. Со свекровью она ладила, но жить втроем в однокомнатной квартире, пусть и довольно просторной, очень сложно: бабушка храпела так, что спать рядом с ней было совершенно невозможно. Откупиться тоже оказалось нечем, денег после похорон вовсе не осталось, а дядька наседавал, грозя судом от имени матери.

И тут директор завода, не желающий выносить сор из избы, купил дочери погибшего сотрудника трехкомнатную квартиру в элитном доме и перевел в банк на имя вдовы три миллиона рублей.

Узнав о полученной невесткой квартире, дядька с теткой тут же захотели продать старую, на которую никаких прав не имели, чтоб разделить между собой деньги, якобы в утешение, ведь они тоже понесли тяжелую утрату, но рассерженная их жлобством Маргарита зарезала эту авантюру на корню. Квартира мамина, куплена в законном браке, и здесь будет жить бабушка, пока жива. А дальше видно будет, но на эту квартиру им рассчитывать при любом раскладе нечего.

Папина родня такого третирования не простила, и больше они не общались. В старую квартиру переселилась донельзя довольная бабушка, в кои-то веки получившая отдельное жилье, и это сильно покорило Риту. Получилось, что смерть сына пошла на пользу его матери, чего та и не скрывала.

Этого Маргарита понять не могла и со всем пылом юношеского максимализма родню отцову осуждала.

В то тяжелое время ее здорово поддержал Александр Васин, ее одноклассник и друг. Вот уж правду говорят: друг познается в беде! Сашка подставил свое крепкое верное плечо, и она справилась с горем, за что была ему искренне благодарна.

А вот мама не смогла пережить смерть любимого мужа и гибель еще не рожденного сына. Она угасала на глазах, и дочь не знала, чем ей помочь. Рита делала все, чтобы порадовать маму, но та жила в своем собственном обособленном мире, отгородившись от жестокой действительности непроницаемым забором, и что делается вокруг, не замечала.

Алевтина Павловна походила на механического человека – все видела, слышала, работая бухгалтером в объединении детских садов, исправно исполняла свои служебные обязанности, но делала все машинально, без чувств и без желания, повинаясь заложенной с детства программе.

Она не плакала, тоскуя по мужу, но никогда не расставалась с синим в белый горошек крепдешиновым платочком, по-деревенски повязывая его летом на голову, а зимой закутывая шею, потому что этот платок перед гибелью ей подарил покойный муж. Дочери она говорила, что так ей хоть чуть-чуть, но полегче.

Заснуть Рите удалось только под утро. Но встать, как обычно, пришлось рано. Быстро выгуляв Эда на собачьей площадке неподалеку, побежала на учебу. И снова по дороге встретила ту высокомерную девицу. Кожей чувствуя неприязненный взгляд, быстро проскочила мимо, невежливо задрал нос и не здороваясь – та на приветствия все равно не отвечала.

Вернувшись домой ровно в четыре, вознаградила умного пса за терпение сахарной косточкой, купленной у знакомого мясника. Потом прошлась по огромной квартире, проверяя,

все ли в порядке. Три комнаты, балкон, лоджия из комнаты в столовую, гардеробная, ванная величиной с кухню в их старой квартире – живи да радуйся, но вот радости-то и не было. Она помнила, какой ценой досталась им эта квартира.

Если бы не лежащие в банке «вдовьи» деньги, на оплату этой роскошной жилплощади уходила бы почти вся мамина зарплата, а так, с получаемыми со счета процентами, им как раз хватало на коммуналку и на скромную жизнь.

«А уж соседи здесь – зашибись!» – Рита остервенело подрыгала ногой, будто пиная их всех скопом. В их старом доме все вокруг были свои, почти родные. Да и как всех не знать, когда в их пятиэтажке насчитывалось всего-то шестьдесят квартир. И люди там жили открытые, добрые, всегда готовые прийти на помощь. Сколько соседей приветливо здоровалось с ней, когда она выходила на улицу, и расспрашивали, как дела, причем вовсе не для проформы, а потому, что им это в самом деле было интересно.

Тогда как в этом элитном доме, встретившись на лестнице, даже ответить на приветствие не считали нужным. А та девица, что вышагивала рядом с Климом, еще и фыркала, кривя свой и без того курносый нос.

Впрочем, Рита отвечала ей тем же. А что? Как аукнется, так и откликнется.

В квартире было чисто, но как-то ужасно неуютно. Может, от того, что их старенькая мебель совершенно не вписывалась в эти помпезные просторы, а новую мама покупать не спешила. Да и зачем? У них не проходило бесприютное чувство транзитных пассажиров, с нетерпением ожидающих поезда на очередном продуваемом всеми ветрами перроне. Их скорый поезд вот-вот подойдет, и они умчатся туда, где им будет гораздо лучше.

Взглянув на часы, Рита принахмурилась. Где же мама? Она уже должна быть дома. По сердцу ледяной струей пронесся страх. Судорожно схватилась за телефон, но тут в дверях раздался звук поворачиваемого ключа, и она с облегчением выдохнула. Мама! Наконец-то!

Алевтина Павловна вошла в прихожую с недоуменным выражением лица, машинально потрепала Рэда по подsunутой под руку мохнатой голове.

– Что случилось, мамочка? – обеспокоенно спросила выскочившая ее встречать дочь.

– Ничего особенного, просто эта соседка из пентхауса сказала мне, что такие платки, как у меня, носят в деревнях только малохольные дурочки.

Рита сердито сжала кулаки.

– Как она посмела! Невоспитанная дурында!

– Я ей на это же намекнула, правда, не такими словами, но похоже, – внезапно хмыкнула Алевтина Павловна.

– А что ты ей сказала конкретно? – заметив, что мама несколько ожила, дочь даже простила несносной соседке ее грубость.

– Что мне в ней тоже много чего не нравится, но я не считаю возможным делать ей дурацкие замечания вследствие полученного мной хорошего воспитания.

Рита громко захлопала в ладоши.

– Браво, мама! Теперь она будет долго думать, что же в ней, такой замечательной, может не нравиться, и насчет своего нехорошего воспитания хоть самую малость озаботится. Но что она тебе ответила?

– Она хотела, но ей муж не дал. Он на нее так глянул, что она осеклась, и рывкнул «хватит!». Дамочка удивилась и замолчала. Он, похоже, ей никогда ничего поперек не говорил, до того сильно она изумилась, аж глаза выпучила.

– Он такой красавец, весь из себя крутой мачо? – припомнила дочь.

Алевтина Павловна призадумалась, неосознанно вертя ключ в тонких пальцах.

– Не помню, как он выглядит, не обратила внимания, но за заступничество я ему благодарна. Он гораздо лучше своей женушки-снобистки. Или снобки? Как правильно, не знаешь?

– Понятия не имею. Да и как эту высокомерную дуру ни обзови, все будет мало! – весело заверила мать Рита.

Она готова была из кожи вывернуться, лишь бы мама говорила с ней так, как прежде.

– Ладно, забудем о ней, – Алевтина Павловна неуверенно улыбнулась, будто давным-давно разучилась это делать. – Я пирог капустный купила, будешь?

Рита радостно согласилась. Они поели на кухне, но, как дочь ни пыталась растормошить мать, та снова ушла в себя. После ужина, отправив Риту заниматься, Алевтина Павловна прошла к себе, взяла в руки книгу и долго сидела у окна, глядя безжизненными глазами на небольшой клочок неба, виднеющийся между двумя соседними высотками.

Разложив на столе учебники, Рита с азартом принялась за подготовку доклада о гостиничном хозяйстве Франции, а точнее, одного из весьма привлекательных для туристов городов – Лиона. На последнем курсе колледжа, где она изучала организацию туристического бизнеса, учиться ей нравилось, да и перспективы были замечательные. В начале следующего лета, закончив колледж, она станет полноценным менеджером по туризму, вот только образование у нее будет среднее специальное. Но это ерунда: нужно будет, пойдет учиться дальше, поступит в институт или универ на заочное – никаких проблем.

Стараясь не думать о плохом – негатива в ее жизни хватало и без мрачных мыслей – открыла сайт Лиона и принялась переводить с французского то, что там было написано об отелях и хостелах. Это было по-настоящему интересно, и она так увлеклась, что остановилась лишь тогда, когда поняла, что доклад из положенных пятнадцати минут разросся до часа, если не больше.

Вздыхнув, принялась сокращать, выкидывая все малозначимое. В результате остались сухие факты и скучные цифры. Она сердито попеняла невесть кому: и вот так всегда! Хочется рассказать много и интересно, а приходится ограничиваться пересказом общеизвестных фактов. А во всем виновато слишком уж быстротекущее, ускользающее неизвестно куда время.

Времени Рите не хватало ни на что. Для хорошего турагента знание нескольких иностранных языков являлось суровой необходимостью, и она учила сразу четыре – английский, немецкий, французский и итальянский. Замахивалась было и на испанский, но не потянула просто потому, что опять же не хватало времени.

Едва она закончила распечатку реферата и убрала его в пластиковый файл, в комнату, тяжело ступая по начищенному паркету, вошел недовольный задержкой положенного ему променада Рэд. Подошел к хозяйке, положил мохнатую голову ей на колени и с укоризной посмотрел в глаза.

– Иду, иду! – заверила она его, мельком глянув на часы.

Уже девять! Нет, что это за время такое коварное! Ничего-то из-за него она не успевает! Взяв телефон и наушники, чтоб на прогулке прослушать несколько уроков английского, накинула легкую ветровку: на улице было еще тепло, а двигаться придется много, открыла дверь и пропустила вперед огромного пса. Уже на лестнице надела на него поводок и чинно вышла с ним из подъезда.

– Интересно, кто кого выгуливать ведет? – раздался насмешливый голос незнакомого парня в распахнутой осенней куртке слишком уж яркого, почти ядовитого, зеленого цвета.

Рита подтянулась и постаралась поменьше хромать, но все равно расслышала унижительный посвист. Как же ее достали эти нахальные типы! С той поры, как она упала с горки, только и слышала: «хромоножка», «уродка», «Тимур в юбке». Сначала она не понимала, что это за странное прозвище, но потом узнала, что тот тоже был хромым.

Чтоб не обижаться, постановила считать это комплиментом, ведь хана Тимура называли властителем мира. Вот и она станет властителем, только мирным. Повидает такие страны, что Тимуру и не снились, расскажет о них другим людям, организует для них интереснейшие туры.

Но тут же, вспомнив о своей больной ноге, ноющей от малейшего перенапряжения, сердито сжала губы. А вот она не сдастся! И все равно будет ездить! Подлечит как-нибудь ногу, и все станет хорошо!

Парень не унимался, хотя она, не отвечая, гордо прошла мимо:

– Эй, малявка, чего молчишь? Немая к тому же?

К чему «к тому же», Рита поняла сразу, – к ее хромоте. Стало до чертиков обидно. Почувствовав ее недовольство, Рэд предупреждающе зарычал, повернув тяжелую голову и оскалив белые клыки.

Парень небрежно хохотнул, ничуть не впечатлившись:

– Ишь ты, какой защитничек! Боюсь, боюсь! – и вскинул руки, будто сдаваясь.

Разозленный пес рявкнул уже всерьез.

– Что здесь происходит? – раздался холодный начальственный голос. – Почему собака без намордника? И лает?

– Вот-вот, – парень обрадовался неожиданному заступнику. – Эта жутко голодная собаченция меня сожрать с потрохами хочет! А хозяйка ее на меня еще и науськивает!

Рита с негодованием посмотрела на зубоскала. Что за отвратительный поганец! Для него облить грязью незнакомого человека ничего не стоит!

– Тогда я вызываю полицию! – серьезно сказал выступивший из темноты мужчина.

Девушка его узнала – это был старший по дому, отставной военный, из тех ущербных людей, что не понимают шуток.

– Давайте-давайте! – радостно согласился парень. – Под арест их, под арест! На нары! Пусть посидят на пару, подумают о ничтожестве своей безалаберной жизни, поймут, что обижать маленького меня нельзя.

Любой нормальный человек, услышав эпитет «маленький» в отношении здорового ребенка, сразу бы догадался, что это говорится не всерьез, но свертответственный старший по дому и помыслить не мог, что его просто-напросто разыгрывают. Он вынул телефон и принялся набирать номер полиции.

Вышедший из дома Клим застал неприятную картину: его шепутной друг активно натравливал Николая Николаевича, полковника в отставке, на окаменевшую от возмущения Риту. Наивный вояка, принимавший все подколки Юрки за чистую монету, уже названивал в полицию, заявляя, что девушка со служебной собакой угрожает прохожим.

Непочтительно вырвав телефон из рук старшего по возрасту, но не по жизненному опыту, Клим извинился перед дежурным, заявив, что недоразумение разрешилось, и отдал телефон обескураженному столь вольным поведением подрастающего поколения Николаю Николаевичу.

– Извините, это мой друг, у него порой бывают заскоки. Лечится очень просто: вправлением мозгов! – И Клим от души врезал Юрию по шее.

Тот взвыл, но, сообразив, что переступил какую-то невидимую, но опасную грань, замолчал и кривляться прекратил.

Полковник не знал, как ему поступить. В армии все было просто – три наряда вне очереди, но как на гражданке поступают с молодчиками, нарушающими субординацию, он не знал. Посмотрел на мрачную девушку со смиренно сидевшей возле ее ноги собакой и крикнул:

– Меня это что – разыграли?

– Не обобщайте, пожалуйста, – девица кинула на него осуждающий взгляд. – Я никого не разыгрывала. Это вы с подачи этого типа, – она ткнула пальцем в сторону притихшего парня, – хотели меня в полицию сдать! А потом бы я на вас обоих заявление написала за нанесение мне морального ущерба!

Николай Николаевич растерялся вконец. Моральный ущерб? За что? Да, не зря жена говорила, что на гражданке ему лучше ни в какие сомнительные истории не ввязываться, потому что в реалиях современной жизни он совершенно не разбирается.

Решив за лучшее ретироваться, он неловко проговорил:

– Ладно, пора мне. Некогда мне тут с вами лясы-балясы разводить! – и поспешно смылся.

После его ухода Рита молча, даже не глядя в сторону парней, потянула собаку за собой, собираясь уходить, но Клима остановил ее:

– Насколько я понял, этот балбес тебя оклеветал?

– Почему сразу балбес и сразу оклеветал? – вступился за свое реноме Юрка. – Может это она меня вместе со своей собакой съесть хотела?

– Прекрати паясничать! – рыкнул на него Клима. – Уймись, наконец!

Рита окинула их обоих не по-юношески нерадостным взглядом и ушла, ничего не ответив.

– Ну ты и дурак! – выплюнул Клима. – Совсем сбрендил?

– Поприкалываться слегка нельзя, что ли? – возмутился Юрий. – Что за ограничения? С каких это пор ты пуританином стал?

– Ты соображаешь, что было бы, если б я не прекратил этот балаган?

Парень выписал ножкой изящное фуэте, сделав круг вокруг себя.

– Да ничего особенного! Ну, приехали бы менты, я бы им все объяснил, только и всего.

С чего этот сыр-бор?

– Да, заплатили бы на пару с полковником за ложный вызов, мелочи-то какие! К тому же это не та девочка, которая оценит твой убойный юмор. Ты слышал об инженерере Беликове на Химпроме? Про того, что погиб, но своих людей спас?

– Да, и что? – насторожился Юрка.

– Это его дочь, – вздохнул Клима. – Ей и так по жизни не везет, а теперь еще и сиротой осталась. И ногу ей сломал тоже кто-то из подобных тебе дураков – с горки в детстве играючи столкнул.

Юрий присмирел и озабоченно растер затылок.

– Понял. Но откуда же мне было знать? Просто хотел ее слегка повеселить, а то она такая скучная тут шла, с затычками в ушах. Учит чего, что ли?

– Не знаю, – Клима небрежно махнул рукой. – Я про нее мало что знаю, только то, что Виолетта говорила. – О своем с Ритой разговоре почему-то промолчал, хотя прежде рассказывал дружку все без утайки.

– Да, нехорошо вышло, – сконфуженно признал Юрка, но тут же взбодрился, съехидничав: – Но этот мужик смешной такой, наивный до чертиков. Из вояк, небось?

Его пренебрежительный тон не понравился любящему справедливость Климу.

– Полковник в отставке. И мужик он достойный, порядочный, сейчас таких мало. Он старший по дому, все сборы-поборы через его руки проходят, но ни копейки к ним не прилипло. Он и с поставщиками договаривается, и с работягами, когда что отремонтировать срочно нужно, ведь управляющая компания волюнку тянет несколько дней, а то и недель. А у него всегда все тика в тика, быстро и без всяких откатов.

– Уважаю, – потрясенно протянул Юрий, – это не человек, а ангел во плоти, только что без крылышек. Но после твоей отповеди мне стало жутко не по себе. Давай-ка я хотя бы перед этой малышкой извинюсь, душу облегчу. Познакомишь?

От этих таких знакомых и привычных слов у Клима что-то яростно полыхнуло внутри, противясь новой встрече дружка с соседкой. Озадаченный таким странным обстоятельством, он отказался:

– Только хуже сделаешь. Она замкнутая очень и стеснительная, так что ей твои извинения будут не к месту. Еще решит, что ты снова издеваешься.

– Ну, если ты так считаешь, – с облегчением выдохнул друг, которому извиняться перед обиженными им людьми было как нож острый, – то не буду. Пошли?

Они вызвали такси и отправились в кафе на встречу с друзьями.

Дойдя до лесочка, Рита спустила Рэда с поводка и громко свистнула, вызывая Сашку на их старое место. Тот появился не сразу, весь в опавших листьях.

– Что, опять с Карри боролся? – насмешливо спросила она, зная, что друг не упускал возможности поваляться на земле со своей овчаркой.

– А с кем еще? – он искоса взглянул на нее и стал отряхиваться, сбивая с куртки жухлые листья и комки земли.

Рита принялась ему помогать. Собаки носились друг за другом вокруг них, сшибаясь и вновь разбегаясь.

– Ты потише давай! – прикрикнул на Рэда Сашка. – Ты-то здоровый, а она тебя кило на двадцать легче, к тому же девочка.

– Да он осторожно играет, – вступилась за своего питомца Рита, снимая с друга последний листок. – Они так уже три года играют, и ничего. Это ты сегодня взбаламученный какой-то. Что-то случилось?

– Ничего, – буркнул он. – Если не считать того, что меня в армию призывают. Учебу я закончил, можно и послужить.

Рита застыла, чувствуя, как в страхе замирает сердце.

– Да ты что! И почему ты молчал? – голос сорвался, и она закусила губу, чтоб позорно не разреветься – Сашка не терпел плакс.

– А что бы это изменило? – он ласково похлопал по голове подскочившую к нему Карри. – Вот ее мне жаль. Кто в моей семье за ней смотреть-то будет? Всем некогда, да и бояться они ее. А она это чувствует и грызается не по делу.

– Может, ты на год ее мне оставишь? – робко предложила Рита, прикидывая, справится ли она с двумя большими собаками.

– Не выдумывай, – осадил ее Александр, – тебе с ней не совладать, она ко мне привыкла, тебя слушаться не станет. У меня вот такая мысль есть: я на завтра записался на прием к военкому, хочу попросить меня во внутренние войска отправить, там можно со своей собакой служить. Так что поедем вместе, надеюсь. Карри у меня умная, обученная, и возраст подходящий. Думаю, возьмут.

Рита с трудом удержала слишком близко подступившие слезы. Что это такое?! Целый год без Сашки, его шуточек, дружеских подколов и решительного «наплюй и забудь»!

Заметив скривившееся лицо подружки, он подгрел ее под мышку и бодро пообещал:

– Не ной, общаться будем по вайберу каждый день, теперь телефоны в армии норма.

На душе у Риты стало чуть-чуть полегче. Шмыгнув носом, она с нарочитой бодростью ответила:

– Здорово! Конечно, будем разговаривать, обязательно! – и уже печально добавила: – Что еще остается?

Александр по натуре был оптимистом и нюни, как он говаривал не раз, распускать не любил. Вот и теперь он перевел разговор на ее дела и, узнав, что она писала доклад о Франции, завистливо отметил:

– Хорошую ты себе работенку выбрала. Класную. Будешь рассекать по Европам сколько душа пожелает.

Рита посмотрела на большую ногу и с кривой усмешкой подтвердила:

– Это точно. Вприпрыжку.

Друг не стал обращать внимания на ее скепсис, считая его ненужной жалостью к себе. Они побегали с собаками, выбирая освещенные редкими фонарями места, чтоб не споткнуться

в темноте и не упасть, натужно посмеялись над парой старых анекдотов, рассказанных другими собачниками, и отправились домой, причем Александр решил проводить Риту, ведь время было позднее – двенадцатый час ночи.

Возле своего дома, всхлипнув, Рита не выдержала и бросилась ему на шею, прощаясь. Несколько оторопев от столь сильного проявления чувств обычно крайне сдержанной подруги, парень успокаивающе похлопал ее по спине, заявив, что не нужно хоронить его раньше времени.

Рита отстранилась, смешно шмыгнула носом, сердито хлопнула его по плечу и гневно заявила:

– Типун тебе на язык! Думай, что говоришь!

– А ты не реви под руку! – не остался он в долгу. – И давай домой беги, тебе завтра вставать рано. Это я могу последние денечки дрыхнуть, сколько пожелаю.

Озадаченные собаки сидели рядышком, одинаково склонив головы набок, высунув языки, и пристально рассматривали своих хозяев. Бросив на прощанье Сашке привычное «пока», сконфуженная собственным неадекватным поведением Рита зашла в подъезд, поднялась на лифте на свой этаж и бесшумно вошла в квартиру.

Рэд удовлетворенно растянулся на своем месте в просторном коридоре, а его хозяйка, приняв душ, заглянула в комнату мамы. Убедившись, что та все еще сидит в прежней позе с книгой на коленях, вздохнула. Книга была все та же и служила исключительно для отвода глаз, мама даже не пыталась ее читать. О чем она думала, дочь не знала, но предполагала, что об отце и нерожденном сыне.

Это было невероятно тяжело, но чем помочь маме, Рита не знала. Она уговаривала ее пойти к психологу или психотерапевту, но мама категорически отказывалась. Она не хотела, чтоб в ее ранах ковырялись чужие люди, пусть даже и с самыми лучшими намерениями.

Упав в постель, Рита натянула одеяло до носа и уставилась в потолок. Как она переживет следующий год без Сашки? Из глаз сами собой потекли горькие слезы. Спихватившись, она приказала себе немедленно прекратить, если не хочет завтра радовать соседей и одногруппников опухшими узенькими глазками и сопливеньким красненьким носиком.

Плакать, да еще и на ночь глядя, – огромная глупость, она в этом давно убедилась. Всхлипнув в последний раз, усилием воли заставила себя успокоиться и уснуть. В этот раз ноющая нога оказалась даже кстати – отвлекала от неприятных мыслей. Боль была привычной, хотя и неприятной. А вот известие о призыве на службу Александра было слишком ярким и новым и болезненно-остро вертелось в мозгу.

Рита приготовилась к еще одной бессонной ночи, но усталость сделала благое дело, и она уснула, горько всхлипывая во сне.

Утром, скептически разглядывая в зеркале свое бледное лицо, утешила себя, что хотя бы отеков нет, по крайней мере, никто не подумает, что она пришла на учебу после хорошей попойки.

Доклад в группе был прочитан успешно, преподаватель гостиничного дела Анастасия Викторовна, удовлетворенно кивавшая головой, задала пару вопросов, на которые Рита ответила с воодушевлением и готовностью проговорить весь урок, если б позволили, поставила ей «отлично».

На большой перемене в столовке к Рите подсел Вадим Кортин, главный мачо местного разлива, и, не обращая внимания на девчонок, сидевших за одним с ней столом, нахально попросил:

– Слушай, самая умная, напиши-ка за меня доклад, а то мне некогда.

Рита аж подавилась от беспардонности этого приказа. Конечно, когда парней в группе трое на пятнадцать девчонок, это вырабатывает в них комплекс ничем не оправданного превосходства.

– Знаешь, самый глупый, развивай-ка ты мозги, дружок! Поменьше вертись перед зеркалом, и на все времени хватит.

Вадим в самом деле любил лишний раз глянуть на свою весьма привлекательную физиономию, но услышав это от самой невзрачной девицы в группе, оскорбился.

– Да тебе за честь надо принимать, что я вообще к тебе обратился! – с достоинством, стараясь не скатиться до базарной разборки, заявил он, задрал нос.

Девчонки дружно рассмеялись, весело переглядываясь.

– Спасибо за оказанную мне честь! – Маргарита чуть приподнялась, издевательски кланяясь. – Но благодарения мне от пустоголовых типов не нужны. Впрочем, так же, как и от всех других. Так что ищи другую дурочку, чтоб филонить от занятий. Я для эксплуатации не гожусь. Я вообще против эксплуатации человека человеком.

Распрямив плечи, парень величественно поднялся и с недовольной гримасой покинул их столик, а девчонки, торопясь и обед закончить, и свое отношение к этому развязному типу выразить, принялись говорить все вместе с набитыми ртами.

Спокойно жующая Рита чуть не подавилась от обрушившегося на нее потока малопонятной информации.

– Давайте не все сразу! – вздохнула она.

– Наглец! Привык на своих поклонницах выезжать! – Лилька, прожевавшая первой, первой и высказалась.

– Это точно! – поддержала ее Светлана, нежно похлопывая себя по кругленькому животику, – она была замужем и ожидала первенца. – Звездит не переставая!

Они бы еще много чего сказали в адрес главного ловеласа группы, стараясь перецеголять друг дружку в ярких эпитетах, но прозвевший звонок прервал их пылкий обмен мнениями. Они рванули в аудиторию, дожевывая на ходу. Отставшая Маргарита, не желающая ковылять у всех на виду, поскольку ее бег напоминал аллюр сумасшедшего верблюда, не спеша вошла вместе с преподавателем английского языка.

Устроилась на своем любимом месте и вместо того, чтоб внимательно слушать Гордея Ивановича, задумалась о переменах в своей жизни. Страшно представить, что рядом с ней не будет Александра! Какой ей предстоит тоскливый и скучный длинный-предлинный год!

Она не слишком поверила в Сашкино благодушное обещание, будто им можно будет болтать по вайберу каждый день. Вряд ли это возможно. Если только раз в неделю, да и то сомнительно. Снова захотелось плакать, но она сдержалась. Не будет она портить своим упадническим настроением последние деньки с другом! Постарается быть милой, веселой и простой – такой, какой была с ним всегда. Это самое разумное, что она может сделать.

После занятий поплелась домой, зайдя по дороге в ларек к дяде Пете, мяснику, что снабжал их вкусными косточками для Рэда. Набрал сразу несколько килограммов, чтоб не ходить за ними хотя бы неделю, запихала пакет в рюкзачок с тетрадями, привычно закинула за спину. Было тяжеловато, но к этому она давно привыкла.

Дойдя до дома, остановилась. Перед калиткой на придомовую территорию стоял Клим и негодующе смотрел на нее. Она даже несколько опешила от его требовательного взгляда и отшатнулась, припомнив вчерашний инцидент. Наверняка сейчас выговаривать ей начнет по поводу отсутствия на собаке намордника или еще какую-нибудь чушь. Придира!

Но он сказал вовсе другое, решительно перегоразивая ей дорогу:

– Привет! Как дела? Не сильно сердись на Юрку?

Рита растерялась. К приветливому тону она готова не была.

– Привет! Не сержусь. Все нормально. – Прозвучало это с некоторым недовольством, и она постаралась исправиться, мило улыбнувшись.

Он посмотрел на нее слишком внимательно, так, как не смотрят на просто соседей, и хмыкнул.

– Не похоже. Ты вся зареванная и бледная. Надеюсь, это не из-за вчерашнего?

Рита удивилась. Никто из подружек не заметил ее неадекватного вида, а этот раз – и готово! Наблюдательный, блин! И хотя она переживала именно из-за вчерашнего, да только не из-за друга Клима, тупого шутничка, а из-за Сашки, но ответила, как всегда:

– У меня все хорошо! – И постаралась пробраться мимо.

– Это хорошо, что хорошо, – иронично согласился с ней парень, не двигаясь с места, и невежливо перегораживая дорогу.

Она все-таки смогла проскользнуть через калитку в опасной близости от него, не понимая, чего он добивается. Испугать ее вздумал? Так она не из пугливых.

– Пока! – по привычке попрощалась, не глядя на него.

– Пока-пока! – с непонятным ей подтекстом ответил парень, покачиваясь за ней на широко расставленных ногах, слегка наклонив голову к плечу и исподлобья провожая ее долгим пристальным взглядом.

Глава третья

Традиционный сбор веселой компании в пивном кафе под забавным названием «Жизнь развеселая» начался в субботу ровно в шесть. Собирались парни здесь вот уже года три, в разном составе, от пяти до восьми старинных друзей. Ели, причем заказывали много: кухня здесь, несмотря на странноватое название, была неплохой, пили свежесваренное здесь же пиво, и от души трепались и хохотали, ради чего, собственно, и собирались.

Вот и сейчас для увеселения почтеннейшей публики Юрка в лицах пересказывал свое выступление в роли потерпевшего от страшной собаки. Лучше всего у него получался огромный злобный пес, почитающий его, бедного маленького мальчугана, сарделькой невыносимой вкусноты.

Климу впервые было не смешно, хотя прежде он не раз говорил, что Юрка неправильно профессию выбрал: ему бы надо быть актером-комиком, а не инженером. Но сегодня шутки закадычного дружка не веселили. С Климом происходило что-то странное, и он не мог понять, что именно. В то, что ему могла приглянуться столь заурядная и неинтересная девчонка, к тому же инвалид, не верилось совершенно. Тогда что это может быть? Решил, что примитивная жалость, не иначе. Сложная у Риты жизнь – вот он и проникся.

Когда Юрка передразнивал растерянного полковника, Клим молчал, хотя ему это и не слишком нравилось, но когда тот принялся складывать губки бантиком, изображая Риту, терпение Клима лопнуло, и он тихо, но твердо сказал:

– Хватит! – после наступившей тишины, во время которой недоумевающие друзья смотрели на него, не разумея, в чем дело, добавил: – Смеяться над девчонкой-инвалидом, которая очень достойно себя повела, когда ее, по сути, оклеветали, – это подлость настоящая.

Юрка вскинул вверх руки, сдаваясь:

– Понял-понял! Больше так рисковать не буду. Тебя с ней связывают какие-то уж чрезвычайные теплые отношения...

Он рассчитывал, что Клим начнет оправдываться, но тот молча пожал плечами и спокойно продолжил потягивать темное пиво из высокой стеклянной кружки. Друзья, осознав, что этой болезненной темы лучше не касаться, заговорили о другом, и скоро за столом снова звучал раскатистый смех и царил непринужденная дружеская атмосфера.

Через пару часов Клим решил, что ему пора домой. Решительно поднялся, попрощался с озадаченными его ранним уходом товарищами и вышел из кафе. В лицо ударил холодный осенний ветер, обещая скорые заморозки, снег и зиму.

Домой отправился пешком, хотя можно было вызвать такси. Но ему хотелось подышать прохладным воздухом, прийти в себя, проветрить голову. Да и переел он несколько – заказал с голодухи гораздо больше, чем нужно. Просто отец готовил редко, предпочитая перекусывать в заводской столовой, и не сильно волновался, где и что ест его взрослый сын.

А сын сидел на фастфуде разного рода, не желая беспокоить свою драгоценную персону столь нудным делом, как готовка. И теперь, дорвавшись до нормальной еды, позволил себе некоторые излишества. Да и последняя кружка пива явно была лишней.

Слегка переваливаясь, как раздутый круглый мячик, Клим шел по тротуару, поругивая себя за несдержанность. Переедание – первый шаг к обжорству! О своей неадекватной реакции на безобидную Юркину болтовню старался не думать. Была в собственном поведении какая-то неправильность, но какая – он понять не мог, и это его нервировало. Клим вообще предпочитал в жизни прямые, ясные пути. Такие, чтоб не ломать голову, правильно или нет, стоит-не-стоит так поступать, что хорошо и что плохо.

Мысли о несчастливой хромой девчонке абсолютно не вписывались в его оптимистическое жизненное кредо. Они выбивались из окружающей благополучной картины мира, тревожа

и мешая жить спокойно. «С этим нужно кончать!» – постановил он и приказал себе успокоиться. Что делать, у каждого своя жизнь, и еще неизвестно, что может случиться с ним самим, поэтому не стоит заморачиваться чужими проблемами.

Минут за сорок добрался до дому, открыл картой допуска запертую на ночь калитку и уже подошел к своему подъезду, когда из проулка, ведущего к собачьему леску, вышла о чем-то мирно беседующая парочка. На мгновенье замерев, Клим повернулся к ним лицом и пристально взгляделся.

Маргариту он узнал издалека по подпрыгивающей походке. Длинный тощий парень, идущий с ней рядом, был тот же, что и вчера.

Они остановились у калитки, о чем-то разговаривая. Потом Рита прижалась к парню, бесстыдно повиснув у него на шее. Тот принялся нежно гладить ее по спине, что-то интимно шепча на ушко.

Такой неистовой вспышки ярости Климу еще испытывать не доводилось! Кровь вскипела, перед глазами поплыли кровавые пятна, руки сами собой агрессивно сжались в кулаки. Хотелось убить парня на месте. Он даже сделал шаг вперед, поддаваясь нелепому порыву, забыв о сдержанности и хладнокровии, но тут девчонка выпустила парня из борцовского захвата и, прихрамывая, припустила домой. Промчавшись мимо Клина и даже не взглянув в его сторону, скрылась в своем подъезде. Парень тоже ушел, что-то печально насвистывая, и Клим только теперь заметил идущую рядом с ним крупную овчарку.

Немного отпустило, и он резко выдохнул, стараясь сбросить напряжение. Но мускулы все равно были как каменные, в груди что-то угрожающе клокотало, и он сорвался на быстрый бег, глубоко дыша и грязно ругаясь сквозь зубы. Обежав дом раз десять по проложенной по периметру спортивной дорожке, почувствовал себя легче. Последний круг преодолел уже неспешной рысцой и, более-менее успокоившись, вошел в подъезд.

Отец еще не спал, болтая с женой по скайпу. Сын помахал ему рукой, сообщая о своем возвращении. Антон Иванович удивленно глянул на часы. Всего-то около двенадцати – для сына детское время, обычно он с друзьями засиживался в кафе куда дольше. Но заикливаться на такой ерунде не стал, мало ли почему Клим вернулся так рано. Живот прихватило, к примеру, или ответственный семинар завтра.

Приняв контрастный душ исключительно для восстановления невесть от чего пошатнувшегося душевного равновесия, Клим завалился в постель, всеми силами стараясь погасить в голове картинку с тискающей парня Ритой. В конце концов, какое ему дело, с кем она обжимается? Она для него никто, лишь забавная соседка по дому – и ничего больше. И в таком качестве она и останется.

В ответ на эту здравую мысль в душе вспыхнул такой протест, что он задохнулся от негодования на самого себя. Чтоб выгнать дурацкую блажь из воспаленной головы, решил допустить, только допустить! – что он влюбился в эту несуразную хромоножку. Одна эта мысль вызвала на его губах скептическую ухмылку.

Представил, как идет он, весь такой подтянутый, симпатичный, да попросту красивый, а рядом с ним ковыляет эта жалкая замухрышка. Чтоб вовсе убить эту нелепую возможность в зародыше, в воображении нежно соединил их руки. Это действие должно было вызвать гомеорический смех, но вместо этого по сердцу прошла волна ласкового тепла, как в детстве, когда мама перед сном гладила его по волосам, шепча, какой он замечательный мальчик, и целовала на ночь.

Он резко сел на кровати, с силой саданув себя кулаком по голове. Чертыхнулся от боли и твердо решил выкинуть всю эту нелепую муть из головы. Все равно, что бы он к Маргарите ни чувствовал, они не пара и никогда парой не будут. Вот если б она согласилась на операцию...

Эта мысль захватила, и он стал прикидывать, что было бы, если б она вылечила свою хромоту. Получалось, что ничего. С девчонкой, обладающей таким колючим характером, как

у нее, трудно ужиться даже простому парню, а уж такому амбициозному человеку, как он, и вовсе невозможно. Так что однозначно – ничего между ними быть не может!

На следующее утро вышел из подъезда, направляясь в универ, и досадливо сморщил нос – к нему спешила Виолетта в серебристом плаще, в туфельках на тонком каблукке, с милой улыбочкой на симпатичной мордочке.

– Привет! Не подвезешь?

Клим порадовался, что он не на машине и не нужно угождать этой фифе.

– Я пешком, – зараз обрушил все ее планы.

Она недовольно опустила уголки подкрашенных губ.

– Но до универа же далеко!

– И что? Пару остановок я пройду пешком, а дальше на автобусе. И разминка, и в пробках время терять не буду.

Ему показалось, что Виолетта заявит «я с тобой», но она посмотрела на свои узкие модельные туфельки, не предназначенные для городской грязи, и помрачнела. Небрежно бросив ей «пока!», Клим ушагал, а она, раздосадованно притопнув ножкой, вытащила телефон и набрала номер такси. Можно было, конечно, попросить папу подбросить ее, но он уже уехал на работу.

Уже сидя в аудитории, мрачно размышляла, как же ей заставить этого несносного типа серьезно в нее влюбиться? Ведь она-то любит его столько лет! А любовь должна быть взаимной, иначе на кой ляд она нужна?

Может, ей стоит попросить у деда какую-нибудь роскошную машинку в подарок? А что, это мысль! Представив себя за рулем собственной машины, Виолетта усмехнулась. Вот пусть только попробует после этого ее игнорировать! Правда, сначала нужно права получить. Купить-то их не проблема, но вот как она ездить будет? Все столбы по дороге соберет, и не только столбы? Нет, уж лучше она проявит гражданскую сознательность и честно выучится на курсах какого-нибудь ДОСААФа. Говорят, у них лучшие курсы в городе.

Не забыть сегодня попросить нового охранника сообщать ей о появлении Клим. Старому, дяде Мише, она подкидывала пару сотен за сигнал. Интересно, сколько нужно будет давать новенькому? Вряд ли он согласится на ее условия: он гораздо моложе и наверняка потребует больше. Но это все мелочи, будет давать по пятьсот, подумаешь, суцая ерунда, – не обеднеет.

Занятия окончились в пятом часу, доведя ее до головной боли. Да, это не школа, здесь нагрузок гораздо больше. Но пока она не чувствует, что что-то сделала неправильно. Парней на факультете полно, на старших курсах есть очень даже симпатичные, так что если не выйдет с Климом, заменить его не проблема, хоть и не хочется.

Под влиянием Климa домой поехала на автобусе, чтоб понять, что же это такое. Ужасно не понравилось. Шумно, душно, тесно, и пилили через весь город почти час, хотя на машине всего-то, если без пробок, минут пятнадцать-двадцать. Да еще и стоять пришлось всю дорогу, потому что все сидячие места были заняты старухами и мамашами с детьми.

В довершение неприятностей она чуть не проехала свою остановку, потому что не знала, как та называется и на объявление автоинформатора вовремя не среагировала. Увидев знакомые дома, выпрыгнула из салона в последнюю минуту, когда двери уже закрывались, и почувствовала себя цирковой акробаткой, совершившей смертельное сальто-мортале.

В общем, столь рискованную авантюру, как езда на общественном транспорте, решила больше не повторять, риск, конечно, дело благородное, но не до такой же степени.

Дома сразу приняла душ, смывая раздражающую ее городскую пыль. Настроение было ужасным. Безразличие Климa бесило до нервной дрожи.

Может, пожаловаться на него деду? И только охлаждающая мысль, что дед, скорее всего, ее высмеет, заставила отказаться от этого намерения. Но наказать парня хотелось отчаянно, чтоб никогда впредь не смел относиться к ней со столь унижительным пренебрежением.

Выйдя из ванной, не переодеваясь, сразу направилась в столовую, где домработница Равия уже накрыла стол к ужину. Кира Серафимовна выплыла к трапезе в красивом домашнем костюмчике со стильной, тщательно уложенной прической и почти незаметным утонченным макияжем. Окинула недовольным взглядом сначала банный халат дочери, потом ее мокрые беспорядочные волосы и осуждающе покачала головой.

Виолетта в ответ равнодушно передернула плечиком.

– Вита, не позволяй себе распускаться! – вразумила дочь строгая мать. – Одна поблажка, потом другая – и вот ты уже неряха из нерях.

– Мама, ты можешь понять, что мне элементарно некогда? – возмущенно прервала ее занудные сентенции Виолетта. – Просто времени нет на всякую ерунду. И не ставь мне в пример себя – я вообще не помню, чтобы ты когда-нибудь была занята хоть каким-нибудь полезным делом.

– Как ты можешь говорить мне такие вещи! – возмутилась Кира Серафимовна, вздернув брови. – Да я ни одной спокойной минуты не знаю! Верчусь, кручусь, чтоб тебе и мужу было удобно жить!

– И зачем так напрягаться из-за меня? – Игорь Алексеевич бесшумно прошел к своему месту. – Совершенно не стоит.

Ироничный тон не вязался с его напряженным взглядом. Виолетта насторожилась – обычно отец всегда был равнодушно-небрежен и все слова жены пропускал мимо ушей. Интересно, что случилось?

– А что мне еще делать, как не заботиться о единственно дорогих мне людях? – вкрадчиво заявила Кира Серафимовна и принялась разливать по тарелкам легкий овощной супчик.

В питании она придерживалась авторитетного мнения своего диетолога: «вечерний суп нужен для правильного ночного пищеварения, он обеспечивает молодость кожи и ясность ума».

Чуть принахмурившись, отец семейства молча принялся за еду. Но дочь смолчать не смогла:

– Ты бы лучше чем-то полезным занялась, – произнесла она, с отвращением глядя на давно осточертевший суп с плавающими в нем непонятными зелеными ошметками. – Мне эту бурду не наливай, я не буду! Надоело!

– Ты же знаешь, что желудок... – принялась вразумлять ее хозяйка дома, но Виолетта, чувствуя в себе непреодолимый бунтарский дух, ее оборвала:

– Тебе надо, ты и ешь! Мне еще, слава богу, не пятьдесят лет, чтоб жрать всякую гадость!

Игорь Алексеевич осуждающе скривился, но вмешиваться в женские разборки не стал, а вот Кира Серафимовна, весьма болезненно относившаяся к своему возрасту, с силой бросила поварешку в супницу, расплескав зеленоватые брызги по белоснежной накрахмаленной скатерти, и угрожающе повернулась к возмутительнице спокойствия.

– Да что это такое! – ее голос повысился до противного визга. – Ты что, с ума сошла? Почему ты так отвратительно себя ведешь?

Виолетта не могла ответить на этот вопрос. Что-то внутри подзуживало на еще большие пакости, и она скандальным тоном сообщила:

– Может быть, потому, что ты ведешь себя как деспот?

Киру Серафимовну, всю свою замужнюю жизнь считающую себя идеальной женой и безупречной матерью, это провокационное заявление напрочь выбило из привычной колеи, и она завопила, уже не сдерживаясь:

– Это я деспот?! Да тебе позволялось все, что только в твою пустую голову не приходило! Да твой гардероб раз в пять больше моего! Да ты где только ни была, тогда как я...

– Тогда как ты вынуждена тщательно стеречь любимого муженька и ездить отдыхать только с ним, не то ведь уведут, – ехидно прервала ее дочечка. – Ты же папочку пасешь днем и ночью!

И тут Игорь Алексеевич не выдержал. Аккуратно положив ложку на стол, поднялся и со словами:

– Вы тут отношения выясняйте без меня, а я пойду пройду, проветрюсь хоть немного, а то что-то тошно стало, – покинул поле боя.

После его ухода скандал разгорелся с новой силой. Виолетта, вымещая на матери разочарование из-за Клима, наговорила той много неприятных слов. Но и Кира Серафимовна в долгу не осталась. Донельзя возмущенная и расстроенная, она выхватила из супницы поварешку и так приложила ею по лбу единственной дочери, что та пошатнулась и если бы не сидела, то непременно бы упала.

– Что, еще хочешь? – прошипела мать, едва сдерживаясь, чтоб не ударить еще раз. – Вот именно так нас воспитывал мой дед, когда кто-то начинал дерзить. Очень помогало, между прочим!

– Я ведь и сдачи дать могу! – огрызнулась дочь. – Что ты тогда будешь делать?

– Ты не посмеешь! – решительно отрубилась мать. – И хватит! Ты и так испортила весь вечер! Даже отец не выдержал твоего хамства!

– Я вообще не понимаю, как он такую жизнь выдерживает, – Виолетта сморщила курносый нос, не желая показывать слабость, хотя лоб изрядно болел и чесался, а по лицу расплзлись противные суповые капли. – Он же шагу ступить без твоего позволения не может. Эта твоя слезка и святого из себя выведет, а ведь он просто человек.

– Мы все с ним делаем вместе, – Кира Серафимовна взяла себя в руки и говорила уже почти спокойно. – Нам это нравится.

– Тебе это нравится, а ему равнофигенственно, – уточнила Виолетта.

– Не решай за других! – внутри у Киры Серафимовны снова начался неконтролируемый пожар. – Если бы его чего-то не устраивало, он бы давно мне об этом сказал.

Дочка ехидно рассмеялась:

– Ха-ха-ха! Вот как! Сказал? А ты что, умеешь слушать? Ты же никого, кроме себя, любимой, не слышишь! Я сколько лет говорю, что терпеть не могу этот дурацкий ночной супчик – и что? Ты пичкаешь им меня каждый вечер! А мне начхать, что он полезный, меня от него тошнит!

Величественно выпрямившись, мать приказала:

– А ну вон отсюда! И чтоб я тебя здесь больше не видела!

Фыркнув, Виолетта ушла в свою комнату и так шваркнула дверь, что во все стороны полетела штукатурка. Потревожить соседей она не боялась – квартира была двухуровневая, а самочувствие домработницы, обитавшей снизу, ее никогда не волновало.

Оставшись одна, Кира Серафимовна приуныла. Такого в ее семье еще не бывало. Все всегда было упорядочено и выверено до последнего миллиметра. И вдруг такое мерзкое безобразие! Что приключилось с дочерью? У нее даже в подростковом возрасте не бывало подобных эксцессов.

И Игорь тоже хорош! Нет, чтоб приструнить девчонку, как и положено отцу в таких ситуациях, он просто взял и удрал, снова бросив все разборки на нее. А она устала! Она ведь тоже человек, так же, как и все, подверженный плохому настроению, и вообще слабая женщина. Она всю жизнь избавляла мужа и дочь от всех бытовых проблем, стараясь, чтоб им жилось хорошо, – и вот благодарность!

Упрямо прикусив губу, налила себе уже остывшего супа и принялась есть, стараясь не замечать приевшегося вкуса и убеждая себя, что польза от него перевешивает его невкусность.

А неприятности скоро забудутся. Утром дочь пожалеет о своей вспышке, и все у них пойдет по-прежнему. Только вот нужно сказать Равие, чтоб спрашивала у Виолетты, чего та хочет на ужин, и готовить то, что попросит. Да и вечернего супу дочери больше не наливать, раз уж она столь категорически настроена против.

Выйдя из дома, Игорь сел на низкую деревянную скамейку в небольшом тенистом скверике, разбитом на территории дома, и рассеянно оглянулся вокруг. Интересно, эти большие деревья сохранились от маленьких частных домиков, что стояли на этом месте и были снесены при постройке высотки, или были высажены после? Он знал, что существуют технологии, позволяющие пересаживать уже взрослые деревья, но никогда этим вопросом не задавался.

А сейчас ему вдруг захотелось это выяснить. Он понимал отчето: не хотелось размышлять, в какое жалкое убожество превратилась его жизнь. Нужно думать о чем угодно, только не о себе самом. Иначе придется признать, что живет он глупо и безотрадно и что его аморфное существование подобно безвкусному супу, который он вынужден покорно глотать каждый вечер, чтоб не выслушивать очередную тоскливую нотацию от женщины, умудрившейся так подмять его под себя, что он и шагу без ее позволения ступить не смеет.

Он знал, что сейчас Кира названивает ему, чтоб потребовать немедленного возвращения. И лукаво усмехнулся – а не получится, телефон-то остался в квартире! Он ушел из дому в обычном домашнем костюме, хорошо, что теплом, – на улице было уже довольно-таки прохладно.

Куртку накидывать не стал специально, потому что подозревал о жучках, в нее вшитых. Иначе как бы жена узнавала, где он и что делает, особенно тогда, когда он «нечаянно» забывал дома или на работе телефон? Порой она даже знала, с кем и о чем он говорил. Конечно, в лоб она ни в чем подобном не признавалась, но по обмолвкам, нечаянно брошенным фразам, все становилось понятно.

Этот тотальный контроль унижал, возмущал и заставлял чувствовать свою ущербность. Но менять тем не менее ничего не хотелось. Игорь порой сердился на себя за свою инертность, но тут же находил оправдания: дочка еще маленькая, как с ней расстаться? И вот сегодня его маленькая дочка показала такие акульки зубки, что он ужаснулся.

Когда это она успела стать подобием перманентно уверенной в собственной непогрешимости Киры? Ведь он столько времени проводил с дочерью, стараясь этого не допустить. Виолетта с таким пренебрежением, граничащим с презрением, говорила и о нем, и о собственной матери. Обидно. Нет, что-то надо менять, но вот что? Уйти?

Он представил одинокие тоскливые вечера и поежился. Да и утраченного комфорта жаль. Обедать и ужинать в заводской столовой, самому стирать носки и даже посуду за собой мыть?! Под давлением непреодолимых бытовых трудностей желание начать новую жизнь быстро сдулось.

Игорь уже приподнялся, решив идти домой, есть-то хотелось, к тому же за безвкусным супом следовали довольно-таки приемлемые блюда – рыба, чаще всего красная, под каким-либо нежным соусом, курица в разных видах или нежирная телятина. Равия готовила хорошо, этого у нее не отнимешь. А суп ему тоже осточертел, вот он вслед за дочерью от него и откажется, проявит, так сказать, твердый мужской характер.

Из дома вышла хромающая девчонка с огромной собакой. Проваливающейся походкой прошла поодаль и вышла из калитки. Он проводил ее сочувственным взглядом. Он помнил, что говорила Кира – сирота, получившая здесь квартиру из милости. Он знал об особенности милой женушки поливать грязью всех, кто казался ей недостойным, но не спорил из-за полной бесполезности: любые возражения отменялись ею как несущественные.

А вот из-за матери этой хромой девочки он с женой почти поругался. В принципе, не ругался, а показал ей свое недовольство, что делал крайне редко. Но разве можно говорить подобные гадости практически незнакомому человеку, как это бестактно сделала Кира? Хорошо, что женщина, будто очнувшись от летаргического сна, вдруг сверкнула голубыми глазами и весьма чувствительно поставила бесцеремонную жenuшку на место.

Ему это понравилось. Обычно мало кто выдерживал Кирина агрессивный напор, а вот она не растерялась и, более того, вышла победительницей из малоприятного спора. Он даже отметил, что это весьма привлекательная женщина, хотя женскую красоту не замечал уже много лет. Или, что точнее, усиленно эту способность в себе глушил, не желая выносить зачастую неадекватную ревность жены.

Тут, будто материализуясь из его мыслей, во двор появилось и само, так сказать, яблоко их раздора. Не глядя вокруг и явно никого не замечая, соседка, одетая в давно вышедшее из моды длинное драповое пальто, прошла чуть подальше и устроилась на самом краешке соседней скамейки, горестно ссутулившись.

Уже стемнело, но установленные в скверике ажурные фонарики на солнечных батареях давали неяркий, хотя и вполне достаточный свет. Он разглядел, что на шее женщины повязан все тот же ляпистый, не по погоде легкий платочек, из-за которого и разгорелся весь этот сырбор.

Здоровое намерение вернуться в дом отчего-то пропало, хотя он уже изрядно замерз. Немного помедлив, подошел к соседке. Услышав его шаги, она подняла голову, и он ужаснулся совершенно пустому невидящему взгляду. Если б перед ней был кирпич, выражение ее глаз не изменилось бы, – в этом он был точно уверен.

– Извините, – тут он замялся, потому что никак не мог вспомнить ее имени, или, возможно, Кира его и не произносила? – моя жена разговаривала с вами в недопустимом тоне. Она порой бывает слишком прямолинейна. – И еще раз повторил: – Извините.

Взгляд соседки стал осознанным, но смотрела она на него не как на привлекательного мужчину, а как на досадную помеху вроде пролетевшей рядом мухи.

– Это совершенно неважно! – нетерпеливо сказала она, и было видно, что она желает только одного – чтоб он ушел.

Ее поведение было непривычно и даже несколько обидно, ведь Игорь знал, что все женщины при виде него делали охотничью стойку и всеми силами старались ему пригнуться. Безразличие задевало, но Игорь понимал, что лично к нему оно никакого отношения не имеет и что она ко всем вокруг относится столь же безучастно.

– Увы, важно, – вздохнул он, – вы обиделись, я же вижу.

Соседка нервно потеряла платок, явно не желая продолжать разговор.

– А что это за платок? – решил польстить он ей. – Красивый.

И тут от этих совершенно безобидных слов у нее на глазах появились слезы. Скрывая их, она опустила голову и глухо выговорила:

– Это самый обыкновенный платок, его даже красивым назвать нельзя. Просто его мне подарил мой муж, перед тем как... – голос у нее прервался, и от нее прокатилась волна такого отчаянного горя, что мужчина растерялся.

Впервые в жизни ему захотелось крепко обнять другого человека, прижать к себе и хоть как-то согреть, утешить и ободрить.

Прерывая этот разговор, со стороны подъезда раздался резкий голос Киры:

– Игорь, ты где? Иди домой!

Соседка встрепенулась:

– Идите, это ведь вас зовут!

В ее голосе слышалось нескрываемое облегчение. Остро ощутив свою ненужность, Игорь с досадой услышал еще один приказной зов, на этот раз гораздо громче:

– Игорь!

У него этот зов ассоциировался с командой «к ноге», отданной хозяйкой непослушной комнатной собачонке, и его передернуло от негодования. От возмущения остался стоять, где стоял, будто это вовсе не ему кричат так настойчиво, и принялся знакомиться:

– Как ваше имя? – понимал, что ведет себя смешно, по-детски, будто наперекор строгой воспитательнице, но остановиться не мог. – Я, как вы уже знаете, Игорь. Мы как-никак соседи, должны друг друга знать.

С некоторым недоумением посмотрев на него, соседка все же соизволила сквозь зубы ответить:

– Алевтина Павловна я. И идете уже, идите, а то ваша не слишком воспитанная супруга весь дом переполошит своими отвратительными воплями.

Игорь нехотя пошел на призыв Киры. Та стояла у подъезда в накинутом на плечи ярком красно-зеленом павловском платке. Увидев мужа, сердито прошипела:

– И где ты... ходишь? Холодно же!

Он выпрямился и неосознанно поежился. Но от мороза или возмущения – не понимал и сам.

– Ты, видимо, хотела сказать: шляешься? – ее заминка не осталась незамеченной. Прошел вперед, не оглядываясь на жену.

Кира Серафимовна задержалась на пару минут, цепким взглядом всматриваясь туда, откуда он пришел. Никого не заметив, решила все-таки выяснить у охранника, где ее муж торчал целых полчаса, благо камеры слежения имелись на всех углах дома.

Догнала она мужа только у лифта, где он придерживал дверцу, дожидаясь ее. Выйдя на последнем этаже и пройдя два лестничных марша в свой пентхаус, Кира отпыхивалась, будто прошагала все этажи пешком.

– На западе лифты для пентхауса ставят отдельные, а в России все не как у людей, – привычно посетовала, стараясь выровнять дыхание.

Отчего ее напрягало пройти до квартиры какой-то этаж, ведь это для нее весьма и весьма полезно, Игорь никак не мог понять, но решил списать это на дурное настроение. Все-таки дочь достала до печенок сегодня всех.

Съев котлету по-киевски, разогретую в микроволновке, что считалось Кирой Серафимовной чрезвычайно вредным и вообще низким моветоном, он немного посидел перед телевизором, потом принял душ и отправился в свою комнату. Посещать сегодня спальню жены не было никакого настроения. Да и было ли оно когда-нибудь?

Крамольные мысли лезли в голову, мешая спать и заставляя его делать то, что он ужасно не любил – размышлять о своей жизни. Поняв, что уснуть все равно не удастся, вытянулся во весь рост, заложил руки за спину и принялся негромко насвистывать, представляя, как бы он жил, если б не женился на Кире, едва ему стукнуло девятнадцать.

После тщательного анализа получалось, что не слишком-то хорошо. Существовал бы так же, как все его одноклассники – тянул ляжку в какой-нибудь конторе или на заводе, как и они, выслушивал от гипотетической жены укоры в собственной никчемности. А то и вовсе бы спился, что случилось с парой его школьных дружков, ищущих в водке забвения от непосильных тягот жизни.

В результате постановил, что ему крупно повезло. Ведь стоило ему только заикнуться о какой-либо приглянувшейся машинке или намекнуть куда-нибудь съездить, как все его капризы тут же исполнялись. По сути, Кира – его золотая рыбка. И выглядит она вполне прилично, не сравнить с женами его знакомых, если не считать вовсе уж молодых, конечно.

Так чем же он недоволен? Присматривают за ним более пристально, чем ему хочется, но это, в принципе, ерунда. Это ему должно даже льстить – ведь жена просто-напросто боится

его потерять, вот и принимает превентивные меры, так сказать. А в остальном у него все не просто хорошо, а даже замечательно.

Вот только отчего так тоскливо на душе? Чего ему не хватает? Самостоятельности? Так не нужна она ему, вот еще, ему этого добра и на работе хватает. Дома он ни за что не отвечает, соответственно, ошибок не делает, живет спокойно, как у Христа за пазухой. И не нужно тикаться, дергаться и невесть из-за чего тревожиться. Все хорошо. А то, что Виолетта бесится, так это пройдет – возраст у нее такой сейчас, беспокойный.

Вот замуж выйдет, и все наладится. Если, конечно, она не вздумает доставать мужа так, как Кира его самого. Ведь почему он с ней никогда не спорит? Да просто не хочется выслушивать муть, которую она с упоением вывалит на его голову. Типа она для него все, а он для нее ничего. И так без конца. Так что уж лучше промолчать, сделав вид, что ему все фиолетово.

Поняв, что, как наркоман с иглы, не может соскочить с беспокоящей его мысли, с силой закрыл глаза, приказывая себе заснуть – завтра рано вставать на работу. В принципе, ему можно было и не работать, денег тестя на всех бы хватило, но для взрослого нормального мужика это уж и вовсе стыдно. Да и с ума можно сойти – видеть круглые сутки старательно-милое лицо жены.

Уже уплывая в сон, вздрогнул от глядевших на него в упор пустых глаз соседки. Сердце снова сочувственно встрепенулось, заставив его глубоко вздохнуть. Алевтина Павловна – имя он запомнил, а вот фамилии ему она так и не сказала. Впрочем, свою он ей тоже не назвал. Это даже хорошо, будет повод еще раз с ней поговорить. Возможно, она посмотрит на него не как на предмет мебели, а как на живого человека.

От этой мысли странно потеплело на душе, и он уснул с предвкушающей улыбкой.

Утром за ранним завтраком предложил дочери подвезти ее до универа, уверенный в привычном отказе – у нее всегда были какие-то свои планы, но услышал:

– Если тебе не влом, то подвези.

Несколько удивившись, он заверил Виолетту:

– Если б было сложно, я б не предлагал. Если тебе к первой паре, то лучше поспешим.

Они спустились в подземный гараж.

– На чем поедем? – отец окинул удовлетворенным взглядом шеренгу выстроившихся перед ним иномарок.

Дочь небрежно махнула рукой.

– Да какая разница. Что с краю стоит, на том и двинемся.

С краю стоял «мерседес», на котором вчера последней приехала Кира. Сев в него, они поднялись из гаража, по кнопке выхода открыли тяжелые металлические ворота и выехали во двор. Проезжая мимо спешащих к калитке соседей, Игорь заметил, каким напряженно-недовольным взглядом дочь проводила быстро идущего высокого парня. Он даже имя его знал – Климентий, поскольку оно не раз упоминалось Кирой в связи с какой-то знаменитостью, перед которой жена буквально благоговела.

А вот то, как пристально Клим смотрел на бредущую к остановке невзрачную хромоножку, было очень даже любопытно. Мужским чутьем Игорь понял, что интерес там весьма серьезный. Похоже, дочь увлеклась этим парнем совершенно напрасно. Но это не страшно, наоборот, даже полезно.

За последнее время он заметил, что Виолетта испотачена до невозможности и уверена, что перед ней все должны падать ниц, почитая за честь исполнять все ее желания. И пусть сейчас ей больно, но жизненный урок она должна усвоить. Будет знать, что не все бывает так, как она хочет.

Проследив за не заметившим ее Климом, Виолетта, болезненно скривив губы, откинула голову на подголовник и прикрыла глаза. Решив, что она вздумала подремать, заботливый отец приглушил радио, вещающее им о наступающем на их регион ненастье.

– Папа, как ты уживаешься с мамой? – прозвучал внезапный вопрос. – Ты же ее не любишь, более того – ты ее терпеть не можешь!

Игорь задохнулся, как от удара в солнечное сплетение.

– С чего ты это взяла? – он и сам слышал, насколько фальшиво прозвучало его слабенькое недоумение.

– Да это все видят, – похоже, дочь о толерантности и дипломатичности не слыхивала, – ты этого и не скрываешь.

Ну и ну! А он-то считал, что прекрасно маскирует свое отношение к жене.

– Это неправда, я ее уважаю, – наконец сумел подобрать он нужное слово. – И дорожу.

– Уважать ты ее не уважаешь, да и не за что, в этом я с тобой полностью согласна, – бес- тактно заявила дочечка, – а вот что дорожишь, это возможно. Кто еще будет тебя так ублажать, как мамочка? Которая это машина по счету? Из третьего десятка или пятого?

В самом деле, в их отсеке стояло пять крутых иномарок на все случаи жизни. Но вовсе не по его инициативе. Просто Кира, желая сделать приятное любимому мужу, купала все, что ему мало-мальски приглянулось, причем без всяких просьб с его стороны. Поэтому ответил он легко:

– Понятия не имею. Мне все равно, лишь бы бегала. Я и на «Ладе» себя вполне комфортно чувствую.

Все так же не открывая глаз, Виолетта фыркнула:

– Папа, только не говори мне, что тебе нравится жить в такой семейке, как наша. У нас же не просто холодно, у нас вечная арктическая зима, без потеплений.

Она не уточнила почему, но Игорь поразился, как верно было подобрано слово. В самом деле, навязчивая забота жены никоим образом не заменяла душевного тепла, более того, подчеркивала его отсутствие. Дочь права – в их семье жить холодно. И как он этого не понимал раньше?

Но обсуждать свою жизнь он не желал, тем более с дочерью, чувствуя себя предателем по отношению к жене, и решительно перевел разговор на другое:

– Что с тобой случилось вчера?

– Ты про тот маленький скандалчик? – уточнила Виолетта, будто он мог спрашивать о чем-то другом. Вздыхнув, постаралась оправдаться: – Ничего особенного, просто все надоело. Да еще этот поганый суп...

– Суп в нашем доме был всегда, ты же знаешь, как трепетно мама относится к рекомендациям своего непогрешимого диетолога, а вот сорвалась ты в первый раз. Значит, дело и не в маме, и не в супе. Думаю, в твоей неадекватности виноват кто-то другой.

Дочь надулась.

– И кто же это, по-твоему? – вопрос прозвучал с вызовом, она была уверена, что уж ее аморфный папочка ни за что не догадается, в чем, вернее, в ком тут дело.

– Какой-то там мещанин Климентий Рогожин, моя дорогая, не пара столбовым дворянам Полянским, – тоном Киры Серафимовны проговорил Игорь Алексеевич.

Для Виолетты это оказалось настоящим шоком, и она смешно приоткрыла рот. Не оттого, что Клим ей якобы не пара, а оттого, что отец так небрежно раскрыл ее столь тщательно хранимый секрет.

– Но как? – едва смогла выговорить она.

– Я не такой дурак, каким меня считают, – хмуро заверил ее отец.

– Никогда тебя дураком не считала, – ненатурально возмутилась Виолетта. – Наоборот, я тобой горжусь.

– А вот врать нехорошо, – весело укорил он ее. – Я не слепой, и кто как к кому относится, вижу прекрасно.

Виолетта была очень рада, завидев стены родной альма-матер и прекращая этот провокационный разговор, все больше походивший на допрос с пристрастием. Для нее, естественно.

Едва отец затормозил возле ее корпуса, она, воскликнув:

– Пока, папуля! Спасибо! – выскочила из салона авто и рысью побежала к дверям, спасаясь от мелкого противного осеннего дождя.

Аккуратно развернувшись на пяточке, Игорь Алексеевич поехал на работу. Время уже поджимало – до восьми оставалось где-то минут десять, и он спешил. Оставив машину на выделенном ему месте заводской автостоянки, рысью домчался до проходной, провел пропуском над дисплеем и заскочил в вестибюль. На огромных часах, висевших на видном месте для назидания и порядка, до критической отметки оставалось две минуты.

В свой цех он пришел в пять минут девятого, но опозданием это не считалось – важно было отметиться на главной проходной. Возле приземистого бетонного здания в небрежных позах стояли и курили человек двадцать – все опытные работники, знавшие: что бы они ни вытворили, их все равно не уволят – работать-то некому.

Не заморачиваясь, Игорь Алексеевич шустро проскочил мимо, лишь вскинув в приветственном жесте правую руку и кивая в ответ на уважительное «здрасьте, Игорь Лексеич».

В просторном помещении, занимающем половину второго этажа длинного здания цеха, его коллеги из цехоуправления, или ИТР, как называли их в былые времена, уже сидели на своих местах и занимались кто чем.

Ольга Максимовна наводила марафет, крася ногти мерзко воняющим лаком; Елена Карловна звонила по телефону, руководя сыном, собирающимся в школу в свой десятый класс, поясняя «малышу», где лежат его чистые носки; Иван Гаврилович мирно посапывал, досматривая недосмотренный дома сон; остальные сидели в гаджетах, кто играя, кто наслаждаясь видео самого разного пошиба.

Игорь Алексеевич скептически прищурился. Будь он начальником, половины ненужных прилипал здесь бы не было. Не секрет, что вели себя коллеги так привольно потому, что все были чьими-то протеже. И не ему косо на них смотреть – сам-то он был вообще зятем владельца холдинга, в который входил и их завод, хотя об этом факте его биографии никто из окружающих не знал.

Открыв компьютерную программу, начал проверять, кто и что из рабочих сделал за прошлый день. Получалось маловато, но, поскольку времени до окончания контракта было вполне достаточно, а заказов в последнее время поступало мало, возмущаться и торопить бригадира не собирался. Да и вообще это не его дело. Он-то отвечает за качество, а за все остальное – начальник цеха.

Спустился вниз. Там, в огромном, продуваемом всеми ветрами помещении стояли станки семидесятых годов, на которых умельцы каким-то невероятным образом, буквально на коленке, исхитрялись совершать чудеса, выполняя сложнейшие заказы на вполне приемлемом уровне.

Поздоровался за руку с мастером, выяснил, в чем причина отставания. Она оказалась до чертиков банальной: не хватило комплектующих. Пошел ругаться с Ольгой Максимовной, отвечающей за снабжение. Рутинная, давно надоевшая и бесполезная по своей сути.

Почти как его двадцатилетнее существование в роли выставочной собачки богатой дамочки.

Тоска наваливалась все сильнее. Что это с ним? Кризис сорокалетних? Игорь всегда считал хандру и все с ней связанной уделом бездельников. И вот теперь сам становился ее жертвой. Как же ему поступить? Продолжать и дальше изображать сибарита не выйдет – душа явно переполнилась и не выносит больше лжи. Но и страдать напоказ, как это делают некоторые из его знакомых, он тоже не станет – это отвратительно.

Как правильно заметила дочь – холод. В их семье царит арктический холод, и он элементарно продрог до самых костей. Но где он сможет согреться? У какого очага? И стоит ли что-то менять в налаженной, пусть и удручающе тоскливой жизни, ведь где гарантия, что после перемены, какой бы она ни была, станет лучше, а не хуже?

Глава четвертая

И снова Рите пришлось выгуливать Рэда одной, без Сашки. Вот уже три года они ходили на собачью площадку по вечерам вместе, с того самого дня, как друг, увидев на ее руках похожего на детскую игрушку черного щенка ризеншнауцера, выпросил у родителей овчарку.

Сегодняшним вечером Рите было одиноко, скучно и тоскливо. Собачников на излюбленном месте гуляло много, и пес, найдя себе компаньона, весело носился по поляне, играя в догонялки. А вот его хозяйка сидела в гордом одиночестве на облупленной скамейке под раскидистой елью.

Мрачно наблюдала за резвящимся огромным псом, по-старушечьи согнувшись и поставив подбородок на упертую в колено руку. Другие гуляющие с собаками люди весело болтали, сбиваясь в маленькие компании, но ей вовсе не хотелось ни с кем разговаривать.

Сашка, как и надеялся, вот уже месяц назад как ушел в армию вместе со своей овчаркой, в учебку для внутренних войск. В последнем разговоре по скайпу гордо заявил, что скоро ее закончит – и на службу. С каким бы удовольствием она отправилась вместе с ним, не важно куда, но вот только кто ее возьмет? Если б они были женаты, еще можно было бы попытаться, но, едва она намекнула ему на это, он обрезал ее жестким:

– Не выдумывай! Тебе учиться надо. И не говори, что будешь меня ждать, это глупость. Мы с тобой просто друзья, не больше. За год многое может измениться. Встретишь кого-нибудь и забудешь обо мне.

В его голосе звучала такая непривычная для него мрачность, что у Риты просто сердце оборвалось. Тогда она и поклялась себе, что непременно дождетя его возвращения. Она ни о чем не просит и ни на что не рассчитывает, но надеяться ей никто не запретит. Естественно, ничего этого она парню не сказала, Сашка терпеть не мог глупой патетики, но, тем не менее, слово свое она обязательно сдержит.

Она скатала в крепкий комок горсть свежесыпавшего снега, но не бросила, а тихо уронила его с руки с насмешливыми словами: «Дождаться Сашку проще пареной репы, потому что кто на меня позарится?» Противореча этим пессимистичным словам, перед глазами неожиданным фантомом возник Клим, так пристально на нее глядящий, что сердце на минуту замерло, а потом забилося с удвоенной силой.

Чтоб прийти в себя, она фыркнула, потешаясь над собой: с какого перепугу она приписывает парню то, чего он и в мыслях-то не держал? Не надо быть фантазеркой! Суровая реальность – наше все!

Прекращая ее метания, подошла тетя Маша, или, как она велела себя называть, Мария Иннокентьевна, модная дама в короткой норковой шубке и высоких замшевых сапожках. Ее собачка, ярко-рыжий пекинес по имени Жужа, в это время с упоением облаивала мраморного дога, взирающего на нее со скучающим равнодушием гиганта и считающего ниже своего королевского достоинства открыть пасть в ответ.

– Привет, Ритусь! – Мария Иннокентьевна села рядом, небрежно закинула ногу на ногу в обтягивающих черных кордовых брючках и элегантно закурила тоненькую пахитоску. – Томишься тут одна?

Считавшая курение одной из самых вредных привычек и не желавшая дышать этой дрянью, Рита с неодобрением покосилась на нее, но промолчала. Марии Иннокентьевне было слишком много лет, чтоб делать ей замечания. К тому же в предыдущем поколении были очень странные взгляды на жизнь. Отец ей рассказывал, что в его молодости курение считалось модным и те, кто курил, чувствовали себя невероятно крутыми. Но сейчас другие времена, и она сама, и все ее друзья ведут здоровый образ жизни. Но стариков все равно уже не исправишь, нечего и пытаться.

Мирно согласилась:

– Скучаю. Без Сашки одиноко.

Мария Иннокентьевна кивнула, выпустив изо рта белесое колечко дыма.

– Как я тебя понимаю. Когда ушел муж, мне тоже было ужасно одиноко. Вот и взяла эту шавку, чтоб было о ком заботиться. – И внезапно пронзительно свистнула, завопив: – Жужка, а ну иди ко мне, паршивка этакая!

Еще раз гавкнув на высокомерно не обращающего на нее внимание дога, собачка нехотя потрусил к своей хозяйке. Та, приподнявшись, подхватила ее на руки и предупредила Риту:

– Осторожно! Посмотри-ка сама – вон какая-то агрессивная собаченция появилась в наших рядах.

Мargarита повернула голову направо и увидела крупного питбультерьера без намордника и без поводка, с каким-то зловещим предвкушением осматривающего поляну с вольно бегающими по ней собаками.

– Думаете, будет драка? – с волнением спросила она у крепко державшей своего пекинеса соседки.

– Могу поспорить, что будет, – ответила та, напрягшись и для чего-то поджав ноги. – Не видишь, что ли, какая мерзкая физиономия у этой наглой псины?

Рита ничего такого не замечала, но положила на опыт и наблюдательность Марии Иннокентьевны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.